

18+

БРЭДЛИ БЭЛЮ
СТЕНА
КОПИЙ

КНИГА 3

NOVA
FICTION

Песнь расколотых песков

Брэдли Бэлью

Стена копий

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Бэлью Б.

Стена копий / Б. Бэлью — «Издательство АСТ», 2018 — (Песнь расколотых песков)

ISBN 978-5-17-189913-4

Надежда Чеды найти укрытие и разгадать тайну пленных душ рушится, когда она попадает в руки кочевого племени. К своему ужасу, она обнаруживает, что им теперь правит один из Двенадцати королей — жестокий Онур, Король Копий. Правитель видит в ней идеальное оружие и символ, способный объединить племена под его знаменем. Теперь Чеда стоит перед невозможным выбором: возглавить войско ненавистного тирана, предав собственные цели, или наблюдать, как ее близкие страдают от его гнева. Тем временем в самом Шарахае хаос лишь нарастает. Остатки сопротивления разгромлены, а в тени дворцовых интриг заключаются новые, смертельно опасные союзы. Пока Чеда решает судьбу своей мести в песках, стены Янтарного города готовятся встретить бурю, которая грозит смести и правых, и виноватых.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-189913-4

© Бэлью Б., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Брэдли Бэлью Стена копий

Bradley Beaulieu
A Veil of Spears

Copyright © 2018 by Bradley P. Beaulieu
© Селюкова Д. А., перевод на русский язык, 2026
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

* * *

*Робу. Посвящаю тебе эту книжку, потому что ты мой друг и
спускаешь меня с небес на землю, когда это так необходимо.*

Глава 1

В пещере, глубоко под песками пустыни, Чеда, окутанная тьмой, встала на колени, склонилась над источником. Прохладный воздух вокруг пах чистотой – никто не ступал сюда с тех пор, как Короли Шараха заняли троны, а может, и дольше.

В руках она сжимала широкий золотой браслет, поворачивала его то так, то эдак, чувствуя тяжесть металла, трогала овальный камень, потирала переплетения сложного орнамента. – Поговорите со мной, – попросила она. – Хотя в этот раз поговорите со мной.

Эхо ее слов разнеслось по пещере.

Когда-то браслет принадлежал Месуту, Королю-Шакалу, но теперь стал доказательством преступления Королей... и даже самих богов. Не сам браслет, правда, а оникс в нем. Чеда ощущала внутри него души семнадцати мертвых асиримов, жаждущих свободы, и отчаянно хотела их освободить, но прошло шесть недель бесплодных попыток, а она так и не поняла, как это сделать.

В ночь большой битвы в Королевской гавани Месут вызвал их, как призраков, напустил на Чеду и Сеид-Алаза, короля тринадцатого племени, коронованного асира, чей поцелуй когда-то направил ее на этот странный новый путь. Казалось, все потеряно, но она смогла отрубить Месуту руку и забрать у него золотой браслет. Призрачные души откликнулись на ее призыв отомстить Месуту и разорвали его как стервятники. Каждый удар ужасных когтей приносил им наслаждение: они наконец-то вкусили долгожданной мести! Но счастье длилось недолго: Месут погиб от ран, и их сразу же затянуло обратно в магическую темницу.

– По милости твоей, – прошептала Чеда, обращаясь к богине Наламэ.

Открыв материнский медальон, напоминавший формой язык пламени, она достала последний лепесток адишары. От цветочного запаха слюна заполнила рот, и, стоило положить лепесток под язык, от металлического привкуса тепло пробежало по всему телу, согрело в холодке пещеры, как никогда не согрел бы огонь. Защелкнув медальон, она глубоко вздохнула, закрыла глаза и отдалась новым ощущениям.

Она почувствовала асира, Керима, где-то далеко, на поверхности. Кажется, он бродил среди валунов. Ей казалось, что он пытается скрыть свои мысли. Кериму не нравился браслет – он прямо сказал об этом. Она ощущала его отвращение к артефакту, но не понимала, противен ему браслет оттого, что он напоминает о собственной судьбе, или оттого, что Керим беспокоится о душах в ловушке.

Раскрыв свой разум, она поманила узников, попыталась проникнуть в границы оникса, узнать, что происходит внутри, кто там. Но камень, как всегда, оставался загадкой, как звезда в небе, которой простым смертным не коснуться.

Раньше, глотая лепестки в Шарахае или неподалеку от него, Чеда чувствовала, как цветут адишары, чувствовала асиримов, запертых под их корнями в песчаных могилах. Отголоски долетали до нее и теперь – с далекого запада, – поэтому она думала, что с лепестком сможет услышать и асиримов в ониксе. Надеялась раскрыть их тайну, освободить их или хотя бы просто поговорить, как говорила с Керимом.

Увы. Глухая стена, снова и снова. Недели прошли с битвы в Королевской гавани, а она так и не приблизилась к цели.

– Говорите. – Одинокое слово эхом разнеслось по пещере. – Скажите хоть что-то. Дайте знать, что не все потеряно.

Единственным ответом было черное марево страха, растерянности и ненависти. Как всегда.

Из сосредоточенности ее вывел рык и голоса волков. Это стало случаться все чаще и чаще, велик был соблазн просто не обращать внимания, но звуки стали громче и яростнее, Керим паниковал, поэтому пришлось отвлечься от душ в браслете.

– Простите меня, – прошептала она и побежала по изгибающемуся туннелю на свет.

Когда Чеда, задыхаясь, выскочила из пещеры, стоя гривистых волков уже заняла оборону, веером стоя перед входом, не пуская Керима. Прямо перед асиром припала к песку Дымка, белая волчица: зубы оскалены, уши прижаты к голове, из глотки рвется рык. Это на нее наткнулась Чеда, когда вместе с Эмре впервые пошла к цветущим садам. Дымка помогла Чедо вылечиться и привела сюда: отдохнуть, подумать, что делать дальше.

– Керим! – позвала Чеда.

Асир не обратил внимания: дикий, тревожный взгляд его желтых глаз был прикован к Дымке. Чем дольше они прятались от Королей, тем чаще он забывался.

«Керим, отойди».

Она подошла ближе, но волки сомкнули ряды, не давая пройти. Самый большой, со шрамом – этого самца она назвала Шип – тихо обходил врага. Чеда, растолкав стаю, бросилась на него, размахивая руками, но поздно: волк, оскалив зубы, бесшумно кинулся на Керима.

– Шип, нет!

Керим развернулся, вскинув руки, и когти Шипа вспороли его сморщенную черную кожу. Он мог убить зверя одним ударом – асиримы были нечеловечески сильны, – но не стал, отступил, разведя руки.

Волки не успокоились. Пока Чеда пыталась отогнать Шипа, Дымка обошла ее слева, подкрадываясь к цели.

– Назад! – крикнула Чеда, встав между Керимом и волчицей.

Дымка глянула на него, на воительницу, но послушалась. Чеда побежала останавливать Шипа.

Керим взвыл, дико глядя налитыми кровью глазами, и резко замахнулся на Шипа. Чеда услышала звук удара – кулак попал волку прямо в голову. Шип был самым большим в стае, длинноногим и возвышался даже над Чедой, но его с легкостью отшвырнуло. Он взвизгнул так яростно, что вся стая вновь объединилась, пригнулась к земле, скаля зубы с удвоенной злостью. До этого они слушались Чеду, однако Керим напал на вожака, а значит, надо было выгнать его раз и навсегда.

Чеда потянула Шипа за черную гриву.

– Не трогай его!

Но Шип вырвался и бросился на нее, щелкая челюстями. Она успела отдернуть руку, однако глубокие царапины все же остались. Потеряв равновесие, Чеда упала и попыталась пнуть его, но он умудрился схватить ее за лодыжку прежде, чем его сшибла с ног белая тень.

Шип разжал зубы, и волки покатались по песку, сцепившись, рыча друг на друга. Остальные напряженно наблюдали за ними, не сводя глаз. Драка была такой яростной, что Чеда испугалась, как бы они не убили друг друга. Но, когда Керим развернулся и побежал в пустыню, они тут же замерли.

Рычание и визг прекратились, волки тяжело дышали, но казались довольными тем, что прогнали Керима. Шип, самый оживленный из всех, взглянул на Чеду, на Дымку, отбежал в тень нависшей над входом скалы и лег, как бы показывая: «Попробуй подойди!» всем, включая Чеду.

Дымка подошла к Чедо, слизнула кровь с ее ран, и они тут же начали заживать. То же самое волчица уже делала несколько недель назад.

Она лизнула проколы от клыков в ее ноге, Чеда запустила пальцы в густую гриву.

– Спасибо, – сказала Чеда и похромала за Керимом.

Она пошла по следам: между валунами, застывшими, как часовые, вилась дорожка из капель черной крови. Керим обнаружился в четверти лиги – он сидел, обняв колени, словно потерявшийся ребенок.

Она присела рядом, стараясь не коснуться его, но достаточно близко, чтобы он почувствовал ее тепло.

– Ты не обязан оставаться. – Она махнула в сторону дюн. – Ты можешь уйти, сбежать в пустыню. Где-то на лоне Великой матери ты обязательно обретешь покой.

На самом деле ей не улыбалось отпускать Керима. Хотелось освободить его, а если не получится – помочь отомстить Королям. Но как это сделать, если он уйдет? И все же его страдания были слишком велики, Чеда должна была попытаться.

Вместо ответа он повернул голову и уставился на золотой браслет Месута, что воительница носила на левой руке. Чеда ощущала души в ониксе, но они, казалось, где-то далеко, как всегда на солнечном свете. Словно дальше думать о них ему было невыносимо, Керим отвернулся и умоляюще взглянул ей в глаза. Потом на ее саблю, ее черный клинок. Чела положила ладонь на рукоять, зная, о чем думал Керим с тех пор, как покинул Шарахай. Об освобождении.

– Если ты так хочешь, я исполню твое желание.

Керим открыл рот и засипел. Сглотнул, попробовал снова.

– Я... – проскрежетал он. – Я хочу...

Она встала, решительно сжала оплетенную кожей рукоять Дочери Реки.

– Этого?

Он кивнул.

Чеда услышала, как кровь стучит в ушах. Ей не хотелось оставаться одной, убивать того, кто может помочь другим обрести свободу. Но спрашивала она не из вежливости: никто не заслужил такой жизни.

И все же...

– Ты должен сам сказать, Керим. – Она облизнула губы, молясь, чтобы он сказал «нет». – Я ничего не сделаю, пока ты не попросишь.

Керим поднялся, наморщил черный лоб.

– Я... – начал он, но вдруг резко повернул голову влево. Чеда проследила за его взглядом.

Вдалеке, за дюжиной сгрудившихся валунов, угадывался изящный силуэт корабля, косые паруса рассекали горизонт. Королевская яхта. Шла она не к ним, а просто в ту же сторону, но матрос в вороньем гнезде мог увидеть их в любое мгновение.

Чеда пригнулась, потянула за руку Керима – пальцы сразу стали липкими от его темной подсыхающей крови.

Он взглянул на кровь, на корабль, на Чеду.

– Я не могу тебя оставить.

Ей хотелось спросить, уверен ли он, но облегчение было так сильно, что слова не шли.

– Идем, – в конце концов сказала она. – Нельзя задерживаться.

* * *

Когда они бегом, пригибаясь, вернулись к пещере, Чеда почувствовала, как Керим начинает все сильнее тревожиться. Пока у него получалось сопротивляться Королям, но что, если Дева окажется рядом и призовет его? Или, еще хуже, – Король?

Дымка раскапывала песок – наверное, охотилась на ящерицу для себя или для Чеды. Но, увидев воительницу, замерла, наострила уши. Возможно, она чувствовала беспокойство Чеды так же, как та ощущала волнение Керима, потому что вернулась в тень и легла рядом с ними.

Снова став одной стаей, они прижались друг к другу, прячась от скользящей вдалеке яхты. Один раз судно немного сменило курс, и Чеда подумала, что их заметили, но, к счастью, оно прошло, не сворачивая, мимо.

Когда паруса почти затерялись вдали, Чеда выдохнула наконец, но Дымка не расслабилась: тихо тявкнула, глядя на валуны впереди, потом фыркнула и мягко куснула Чеду за запястье. Чеда осторожно встала и, бесшумная, как скарабей, взобралась на глыбу, распласталась на ее плоской верхушке и подползла к дальнему краю.

Внизу, шагах в ста, за стеной валунов прятались три ялика. Рядом стоял мужчина с длинной светлой бородой и три женщины. Они напряженно наблюдали за едва различимыми в горячем дрожащем воздухе мачтами яхты.

«Четверо на трех яликах?» – подумала Чеда. Нет, должны быть еще люди.

Обычно на каждый ялик приходилось не меньше двух человек команды, но, судя по количеству груза, на этих трех шло не меньше дюжины. А расходившиеся от ялика дорожки следов только подтверждали ее страхи.

Она давно не тренировалась прислушиваться к биению чужих сердец и, неуклюже попробовав, слишком поздно поняла, что рядом люди и они как раз окружают ее скалу...

– Встань, – велел голос позади. – Медленно.

Она послушалась и обернулась, подняв руки в знак примирения. За спиной у нее, всего в нескольких шагах, стояли женщина и мужчина с шамширами, ветер трепал их янтарные таубы. Лица замотаны были концами тюрбанов, но в глазах Чеда легко прочла неприязнь.

– Клинок сюда, – сказала женщина. – Без резких движений.

Тюрбан на ней был черный, украшенный золотой нитью. По краям позвякивали монетки.

– Ты мне не командир, – сказала Чеда, медленно опустив руки.

– Дура, – бросил мужчина и ткнул ее в грудь кончиком шамшира – легко, но так, чтобы пустить кровь, если девчонка откажется подчиняться. Он явно надеялся на то, что она испугается... но, увы, просчитался. Не успело острие коснуться Чеды, как она ушла с линии атаки, скользнула вдоль клинка. Мужчина попытался ударить всерьез, но Чеда оказалась вплотную, да к тому же была слишком быстра. Не успел он потянуть шамшир назад, как она одной рукой схватила клинок у гарды, другой сжала запястье противника, завела шамшир назад, вверх и, проскользнув под ним, закрылась нападавшим от его приятельницы.

В таком положении она легко могла бы сломать ему запястье или выдернуть руку из сустава, но вместо этого просто вырвала меч и бросила на камень.

Женщина наступала осторожнее, но Чеда времени не тратила. Схватив шамшир обеими руками, она вскинула его быстрее, чем противница, ушла от нацеленного сверху вниз удара и изо всех сил рубанула по опущенному лезвию. Женщина выронила саблю, и та зазвенела, ударившись о камень.

События развивались слишком уж быстро, но женщина сглупила – потянулась за саблей. Пришлось Чедой прижать к ее горлу шамшир приятеля. К счастью, противница не стала усложнять и вместо этого отступила, подняв руки.

– Кто вы? – спросила Чеда. Не сводя глаз с обеих, она присела на корточки и подобрала чужую саблю.

– Ты не имеешь права приходить на нашу землю, красть нашу воду, да еще и задавать вопросы, – ответила женщина.

Чеда задумалась на мгновение.

– Согласна. – Одним движением она перевернула сабли и подала их рукоятями вперед. Женщина забрала свою осторожно, мужчина же схватил резко и зло.

Но нападать они больше не пытались.

Чеда открыла лицо и поклонилась женщине.

– Меня зовут Верраин, пришла из Шарахая. Две недели назад мой ялик утонул в зыбучих песках, и вот я тут. Надеюсь... – Она махнула рукой в сторону яликов. – Надеюсь, что кто-нибудь придет.

Керим прятался в пещере, но Чеда чувствовала, как растет его страх за нее.

«Рией заклинаю, сиди тихо, – приказала она ему. – Спрячься подальше в туннелях, не выходи до настоящей опасности».

Он уже собирался взвыть, вырваться на свет. Чеда знала: если он не сдержится, прольется кровь и многие сегодня сгинут в песках.

Женщина нахмурилась было, но что-то привлекло ее внимание. Чеда рискнула проследить за ее взглядом – незнакомка смотрела на вход в пещеру. В тени стояла дюжина бойцов, мужчин и женщин, в светлых таубах и черных тюрбанах. У одних на тюрбанах блестели монеты, у других ткань была закручена вокруг покрытых узорами конических шлемов с кольчужными бармицами. Бойцы, похоже, слышали лязг мечей, но, заметив волков, остановились, напряженно за ними наблюдая. Некоторые натянули луки, трое двинулись было к скалам, но женщина в расшитом золотом тюрбане подняла руку, веля им остановиться.

Керим, слава богам, молчал.

Женщина окинула Чеду спокойным взглядом, в котором, к счастью, любопытства было больше, чем враждебности.

– Твои волки?

– Уже были тут, когда я пришла. Мы разделили воду.

– Значит, ты не против, если мы уьем парочку?

– Лучше не стоит.

Женщина подумала пару мгновений и тоже открыла лицо, обветренное, с синими татуировками на щеках, лбу и носу. Она убрала шамшир в ножны и кивком велела мужчине сделать то же самое, но ладонь с рукояти не сняла, как бы напоминая, что в пустыне доверие покупается только правдой.

– Как Стальная дева оказалась в землях племени Салмук?

– Я не Дева. – Просто. И правдиво. – Взяла ее одежду и клинок.

– Девы своими платьями не разбрасываются. А уж тем более шамширами.

– Верно, но когда они лежат, отдав Великой матери всю кровь, то на такие мелочи не жалуются.

Женщина удивленно приподняла брови, обменялась взглядами со своим спутником.

– Хочешь, чтобы я поверила, будто ты смогла убить Стальную деву?

– Я и убила, – ответила Чеда, внимательно наблюдая за их реакцией. Особенно у женщины. Выбор был невелик: объявить себя врагом Королей или промолчать. Если племя Салмук, или, по крайней мере, этот отряд, верен Королям, значит она сделала ошибку. Однако женщина скорее впечатлилась, чем разозлилась.

– Весть о битве в Шарахе наверняка уже дошла до ваших шатров, – продолжила Чеда. – Я была там. Сражалась с Девами и Королями.

Женщина мотнула головой в сторону, куда ушла яхта.

– Значит, корабль искал тебя?

Чеда кивнула.

– Они гонятся за мной уже несколько недель.

Женщина взглянула на нее иначе, прищурилась – татуировки в уголках ее глаз смялись.

– Ты скарабей?

Скарабей Воинства Безлунной ночи, боец сопротивления, сражающийся с Королями...

– Нет. Но наши интересы совпадают.

Женщина обернулась к своему спутнику, но внизу началось движение: Шип, негромко рыча, подходил к ближайшему кочевнику. Лучник прицелился. Чеда резко свистнула, и, к счастью, Шип перестал рычать, отошел.

Женщина приподняла бровь.

– Говоришь, когда ты пришла, они уже тут были?

Чеда пожала плечами.

– Мы с ними договорились.

Женщина удивленно рассмеялась.

– Ну и ну! – Она снова окинула Чеду взглядом. – Побудь здесь.

С этими словами она спустилась по пологой части валуна, жестом приказав мужчине следовать за ней.

Дойдя до своих людей, она долго о чем-то с ними совещалась, так тихо, что ветер заглушал их голоса, даже несмотря на лепесток адишары. Говорила по большей части женщина, и все слушали ее. Один раз мужчина принялся что-то яро доказывать, отмахиваясь в сторону севера, – наверное, там стояло племя Салмук. Когда разговор затих, женщина поманила Чеду, и та спустилась на плоский камень у входа в пещеру. Сердце ее колотилось так сильно, что Керим испугался еще больше.

«Не выходи, – сказала ему Чеда, собрав все свое спокойствие. – Все хорошо».

Из пещеры донесся тихий стон, но, к счастью, за вздохами ветра его никто не различил.

Когда Чеда остановилась перед кочевниками, женщина сложила руки перед грудью и поклонилась. Чеда тут же повторила ее жест – в пустыне это означало «мир».

– Меня зовут Берил, – сказала женщина. – Будь как дома в наших землях. Наш шейх в одном дне пути. Надеюсь, ты согласна с ним поговорить. – Она окинула Чеду взглядом. – Тебе, полагаю, нужна еда, а нам – твои рассказы о городе.

– Значит, обмен?

Берил кивнула, кривовато улыбнулась.

– Обмен.

Чеда не могла вечно блуждать с волками, питаясь жуками и ящерицами, но принять предложение Берил значило, увы, на время расстаться с Керимом. Неделями она пряталась в пустыне – ждала, пока пыль уляжется, пыталась выяснить, как освободить души из браслета Месута, но пришло время двигаться дальше. Ей придется вернуться в Шарахай, и скоро: слишком многое надо сделать, чтобы узнать об узах, сковывающих асиримов. Керим мог сопротивляться зову Королей, значит ли это, что есть и другие такие же? Возможно ли раз и навсегда разрушить узы? Наверняка. Оковы ослабевали годами, нужно просто найти способ разбить их окончательно.

К тому же оставался еще серебряный клад, который мама наверняка искала в ту ночь, когда Короли поймали и убили ее. Дардзада, приемный отец Чеды, думал, что это была иллюзия. Мама подозревала то же самое, но Чеда должна была узнать правду. Повторить путь мамы по Таурияту.

И, наконец, Девы. Ей нужны были сторонники – что может быть лучше, чем обернуть величайшую силу Королей против них? Заидэ оказалась союзницей, но можно было уговорить и других. Рассказать тем, кто не принадлежал к тринадцатому племени, что сказки про святых воинов-асиримов, пожертвовавших собой в ночь Бет Иман, одна большая отвратительная ложь.

Однако решение далось ей непросто. Этот шейх, про которого говорила Берил, – друг он или враг? Обучаясь со Стальными девами, она многое узнала о шейхе Хишаме, тридцать лет управлявшем племенем Салмук. Он слыл человеком мелочным, яростно сражался с соседями, размахивая у них перед лицом, словно дубиной, контролем над торговыми путями к Маласану. Но большой любви к Королям Шарая он не питал. Скорее всего, он не выдаст ее даже за

деньги. Или, по крайней мере, сперва захочет услышать ее историю, взвесить, какую выгоду она принесет его племени. Может, даже даст ей ялик.

– Хорошо, – сказала Чеда. – Пойду за вещами.

Пока она собиралась, кочевники спустились в пещеру, наполнили бурдюки. Керим, слава богам, ушел глубже во тьму. Чеда ощущала, как возвращается его давно утихший гнев, словно чужаки пробудили неизбывную часть асира: жажду человеческой крови.

«Ты смог так долго сдерживать себя. Потерпи еще немного. Сиди тихо, Керим, но будь готов последовать за нами».

Она двинулась за остальными к яликам, спрятанным среди скал. Волки какое-то время провожали ее, и Дымка – впереди всех, скуля и подпрыгивая, словно прося поиграть с ней. Но Чеда знала, что дело не в этом. Конечно, нет.

Она почесала волчицу между ушами, потом встала на колени и обняла ее, запустив пальцы глубоко в серую гриву.

– Мы еще увидимся, – прошептала она, целуя волчью морду. – Спасибо, что спасла меня.

Вскоре ялики, подняв паруса, заскользили по песку. Волки постепенно разошлись, но Дымка еще долго стояла и наблюдала за уходящими кораблями. А затем она пропала из виду, затерявшись среди валунов.

Весь день путешествия команда напряженно молчала, вглядываясь в горизонт, – то ли боялись королевской яхты, то ли враждебных племен.

– Я слышала истории о Хишаме, – начала Чеда, разделив вместе с остальными луковые лепешки. – Он прославился как хороший человек, справедливый вождь.

Все замерли, переглядываясь. Все, кроме Берил, не сводившей с Чеды внимательных глаз.

– Хишам мертв.

Чеда почувствовала, как палуба уходит из-под ног.

– Скорблю о вашей утрате, – сказала она, поочередно встретив каждый мрачный взгляд, направленный на нее. Детей у Хишама не было – значит, перед племенем встал вопрос, кто унаследует власть. Не потому ли они так напряглись?

– Кто теперь ведет племя?

– Скоро увидишь, – ответила Берил.

С этого мгновения все изменилось. Чеда больше не чувствовала себя ни гостьей, ни разрушительницей на чужих землях – она стала пленницей. Первым ее желанием было сбежать или, если придется, вступить в бой, призвав Керима, следовавшего вдалеке за яликами. Шансы на победу велики, но, чтобы выжить в пустыне, ей нужно было больше узнать о племенах. Она решила встретиться с шейхом и выяснить, что происходит.

Поздним вечером на горизонте показались мачты кораблей, сгрудившихся у скалы, похожей на иссеченный ветрами обух топора, торчащий из песка. Возле самого большого судна у коновязи стояли лошади, вокруг сновали люди, в центре лагеря пылал костер.

Когда ялик приблизился, Берил кивнула на пояс Чеды.

– Я буду хранить твой клинок, пока ты говоришь с шейхом.

Остальные наблюдали, готовые ко всему. Что было делать Чед? Она знала, что до этого дойдет, но мысль о том, чтобы отдать Дочь Реки, символ Стальной девы, отвращала ее настолько, что она готова была вызвать Берил на поединок – пусть попробует забрать его в бою! Вот только у шейха не было причин вредить ей. Если действовать осторожно, получится завоевать его доверие – сопротивление тут не поможет. Поэтому она сняла ножны с пояса и передала Берил. Та резко кивнула, на ее обветренном лице читалось облегчение.

После того как они бросили якорь у больших кораблей, Берил вошла в самый просторный шатер у костра, унося шамшир, но вскоре появилась вновь, поманила Чеду, и та двинулась

к ней. Сопровождали ее четверо кочевников – они не держались за оружие, но пристально наблюдали за каждым движением Чеды.

Многие их заметили: мужчины, женщины, дети. Кто-то готовил еду, кто-то трудился на кораблях. Большинство смотрело с недоверием. Те, кто не обращал внимания на Чеду или не заинтересовался гостьей, казались подавленными, несчастными. Они месили тесто для лепешек, расчесывали коней и чинили корабли, но даже это выглядело для них непосильным бременем.

– Когда умер ваш благородный господин Хишам? – спросила Чед. Другого объяснения такому странному настроению она найти не могла.

Шедший рядом с ней кочевник промолчал. Они подошли к большому шатру, и все вокруг замедлилось, наблюдая за ней. Она почувствовала, как в пустыне страх вдруг пронзил Керима, и через мгновение из шатра на нее выдвинулась огромным зверем массивная фигура на полторы головы выше. Руки – как мясные туши, ноги – как древесные стволы. Черный доспех, когда-то богатый, но теперь побитый, проржавевший. Один ремень на плече порвался, и кираса сидела на массивном торсе криво. Из-под прилипшей ко лбу черной челки смотрели мрачные, глубоко посаженные глаза – как у пустынной гиены.

Теперь Чед поняла, почему племя вело себя так странно, почему страх наполнил сердце Керима.

Над ней навис Онур, Король Пиров, Король Копий. И ухмылялся, словно перед ним поставили новое яство.

Глава 2

Из темного переулка на западной стороне Шарахая, где домишки налезали один на другой, Эмре наблюдал за тем, как через дорогу в окне третьего этажа старик размеренно щелкает фисташки, бросая скорлупу в медленно растущую кучку. Его руки исчезали в тенях комнаты и вновь появлялись на свету с новыми пригоршнями скорлупок – вот настолько ловко он управлялся с орехами.

«Или настолько был голоден», – подумал Эмре.

Малыш Леми стоял в переулке у него за спиной, прислонившись массивным плечом к глинобитной стене. Он громко хрустнул костяшками.

– Пора туда идти, Эмре?

– Еще нет, Леми. Тише.

– Знаю. Ты говорил. Просто... – Он оглядел улицу, и его лицо, так часто выражавшее гнев и угрозу, исказилось от страха. – Ненавижу такое. Стоишь будто баран, которого сейчас на бойню потащат. Знаешь, как оно бывает?

– Знаю, Лем. Я хочу убедиться, что это не засада.

Но Малыш Леми его не услышал.

– Я не баран, Эмре.

– Знаю, Лем.

Леми хрустнул шеей, переминаясь с ноги на ногу.

– Я им не хренов баран.

Эмре продолжал наблюдать за зданием: за окнами, за крышей, за проулками. Немногие на Отмелях отваживались выходить на улицу, а те, кто отваживался, старались не задерживаться.

С битвы в гавани прошло всего четыре недели, но ту ночь весь город уже прозвал Бет Саваш – Ночь бесконечных клинков. Четыре недели – всего ничего, но Эмре знал, что охота будет идти месяцами и день за днем Короли все сильнее станут давить на сопротивление, на Воинство.

Не проходило и ночи, чтобы кого-нибудь не повесили у ворот Таурия, не нашли мертвым в пересохшем русле Хадды, не утащили поговорить с глазу на глаз с Королем-Исповедником. Он уверен был, что однажды, вернувшись в укрытие, наткнется на поджидающий их отряд Серебряных копий или услышит, что Масид, лидер Воинства, убит, потому что зачем-то остался в городе, после того как Исхак, его отец, вернулся в пустыню.

Двое детишек пробежали по улице, размахивая пыльными зелеными лентами. Эмре почувствовал себя идиотом. Вот до чего себя довел: дрожит при виде пустых улиц, видит призраков в дверных проемах.

– Пошли, Лем. Потолкуем со стариком.

Он говорил спокойно, но, переходя через улицу, чувствовал себя так, словно между лопаток нацелена стрела – аж спина зачесалась. Зайдя в тень, в прохладный коридор, продуваемый ветерком, он повел плечами, пытаясь стряхнуть это ощущение, но зуд только усилился. Эмре почувствовал себя трусом до мозга костей.

Он обернулся к Леми и пробурчал:

– Хватит мне на пятки наступать.

Малыш Леми непонимающе посмотрел вниз. На пятки он Эмре не наступал, но все равно сделал виноватое лицо.

– Прости, Эмре. Я не...

– Старайся идти подальше, не дыши в затылок.

– Прости, Эмре.

Эмре почувствовал себя сволочью, но ничего не сказал. Они молча поднялись по лестнице на третий этаж, прошли мимо дюжины дверей. Месяц назад все они стояли нараспашку для проветривания, но теперь все проемы завешаны были тряпками и одеялами. Все, кроме последнего, нужного.

– Галлиу, – позвал он, дойдя до двери.

Напротив, у окна, сидел морщинистый старик с горкой фисташек на коленях. Он брал их по одной, заученным движением раскалывал пустой скорлупкой и отправлял зеленое ядрышко в рот.

– Эмре, – отозвался Галлиу с набитым ртом.

Он не смотрел ни на Эмре, ни на кучку скорлупок, в которую положил очередную. Старик был слеп или почти слеп.

На поддоне в углу сидел мальчик лет двенадцати-тринадцати. Остальные были пусты, в изголовье лежали аккуратно свернутые скатки.

– Всего один? – спросил Эмре, раздумывая, что на это скажет Масид.

В последний раз Эмре заходил, чтобы заплатить Галлиу за сбор людей, желающих присоединиться к Воинству. Это было незадолго до Бет Саваш, в ночь, когда двое Королей лишились своего запаса эликсиров, продлевающих жизнь. Эмре вместе с Масидом, Рамадом Амансиром и самой Мерьям, королевой Мирей, проникли в Закатный дворец, обитель Короля Кирала, Первого среди Королей, и уничтожили эликсиры, пока скарабеи делали то же самое во дворце Ихсана. Тайник третьего Короля, Зегеба, обнаружили люди мага крови Хамзакиира и похитили эликсир прежде, чем прибыли бойцы Масида. Так они обеспечили Хамзакииру еще большую власть.

Исход был, мягко говоря, пугающий. Хамзакиир сперва втерся в доверие к Исхаку и Масиду, но вскоре предал их, используя свою силу, чтобы привлечь шейхов пустыни и власть имущих Шарахая. Перед прибытием Хамзакиира Воинству Безлунной ночи приходилось нелегко, но, по крайней мере, в его рядах царило воодушевление. А вот теперь...

Эмре окинул мальчишку внимательным взглядом. Значит, вот до этого дошло? На зов откликнулся единственный смелый малец? Он сидел, прижавшись спиной к потрескавшейся кирпичной стене, обняв колени, маленький и хрупкий. Символ того, что все их планы – песочный замок, который сдует, как только завоют ветра пустыни.

Галлиу усмехнулся, видя удивление Эмре.

– А ты ожидал армию?

– Я ждал, что больше храбрецов встанут рядом с нами плечом к плечу.

– Значит, в этом городе не так много храбрецов, как ты думаешь.

Эмре взглянул на Малыша Леми. Тот пожал плечами.

Один. Всего один союзник.

– Ты говорил о новой награде?

Галлиу покачал головой.

– Говорил, но они не уверены, что ты заплатишь. По западным окраинам ходят слухи, что деньгами распоряжается не Масид, а кое-кто другой.

Хамзакиир. Он имел в виду Хамзакиира, пытавшегося завоевать симпатии тех, кто сочувствовал делу Воинства. С рассвета, последовавшего за Бет Саваш, он работал против Исхака и Масида, мало-помалу вбивая клин между ними и их сторонниками, сея среди умов семена

сомнения, что Воинство сможет освободить угнетенный народ Шарахая. Он обещал деньги и защиту... и, в отличие от Масида, действительно мог исполнить это обещание.

Эмре уронил десять сильвалов в протянутую ладонь Галлиу.

– Подними цену на рал.

Монеты исчезли.

– Такова нынче в Шарахе цена жизни, значит...

– Вот только не надо дешевой философии, – сказал Эмре, махнув мальчику вставать и идти за Малышом Леми. – Просто проследи, чтобы все было сделано как надо.

– Конечно, – отозвался Галлиу, собирая оставшиеся орехи и бросая в мешок, стоящий на полу между его ног. Одну фисташку он расколол и закинул в рот, положил скорлупку на подоконник... и смахнул.

Хотя раньше старался этого не делать.

Эмре резко обернулся, почувствовав опасность. В коридоре забили цимбалы, другие ответили им с улицы, звон эхом разнесся между глинобитных домов.

Леми высунулся в коридор посмотреть, что там. Мальчишка подошел ближе и, убедившись, что он не смотрит, вскинул вдруг руку с ножом.

– Леми!

Малыш Леми обернулся вовремя, чтобы заметить бегущего к нему подростка. Он попытался увернуться, но успел лишь отступить на шаг, и кончик ножа вонзился ему в грудь. В мгновение ока Леми схватил мальчишку за запястье и дернул вверх. Мальчишка вскрикнул, нож зазвенел по доскам пола. Потом Леми так же быстро подхватил противника и швырнул об пол словно мешок с мукой. Звук был такой, будто кто-то протаранил ворота. Мальчишка съезжился как гусеница, хватая ртом воздух. Леми схватил окровавленный нож.

– Нет! – прохрипел мальчишка. – Мне пришлось...

Он не успел закончить – нож с хрустом вонзился ему в сердце. Мальчишка замер, схватил Малыша Леми за запястье, открыв рот в бессловесной мольбе богам.

Эмре повернулся к Галлиу. В коридоре слышался топот.

– Нарекаю тебя предателем Воинства!

– Зависит от того кто, по-твоему, стоит во главе его, – задумчиво сказал старик, невидяще глядя перед собой.

Эмре ощутил, как внутри разгорается ослепительный гнев. Снова Хамзакиир. Галлиу, старейший человек Исхака в Шарахе, тоже переметнулся на его сторону. Одним ударом шамшира Эмре перерезал ему горло, и старик завалился на пыльный пол, брызжа кровью. Та собиралась в лужи, темнела, смешиваясь с пылью.

– Именем Королей! Сложить оружие! – слышался в коридоре женский голос.

Малыш Леми, с саблей в руке, закрыл собой дверной проем. Из груди его текла кровь – другого человека это остановило бы, но Леми замер, готовый сражаться, диким взглядом обшаривая коридор в поисках выхода. Эмре подошел к окну, посмотреть, много ли врагов внизу, но не успел он выглянуть, как черная стрела просвистела мимо, оцарапав его правую руку. Он бросился на пол, и еще три прошли над головой под разными углами.

Эмре взглянул на Малыша Леми и покачал головой. Леми нахмурился.

– Я не баран, Эмре.

– Не баран. И я тоже.

Лучше умереть, чем попасть к Королю-Исповеднику. Но куда деваться? Оба выхода перекрыты.

– Сложить оружие! – снова потребовал голос.

Теперь Эмре увидел говорящую: Дева в черных одеждах, покрывале на лице, с черным шамширом в руке. Словно демон, пришедший по их души. За ней маячили еще две подружки и отряд Серебряных копий.

Эмре взглянул на окно, на умирающего Галлиу, на безжизненное тело мальчишки. Леми бросился на Деву, и сталь оглушительно зазвенела в тесной комнатухе. В этот самый миг с улицы вылетел крюк и зацепился за подоконник, раскидывая скорлупки фисташек. Выхватив нож, Эмре рванул к окну, стараясь не попасться на глаза лучникам. Он протянул руку, пытаясь перерезать веревку, но стоило ему это сделать, как стрела вонзилась в предплечье, прошла насквозь, пригвоздив его к деревянной раме.

Стиснув зубы от боли, он схватился за стрелу и резко дернул по дуге. Стрела сломалась, перерезанная веревка оборвалась. Заливаясь кровью, уворачиваясь от новых стрел, вонзающихся в пол, он все же успел заметить, сколько противников снаружи: две Девы и дюжина Серебряных копий.

Он сел у окна, прижавшись спиной к стене, и, кривясь от ужасающей боли, выдернул остаток стрелы. Зажмурился, пережидая самый пик... а открыв глаза, заметил вдруг, как сильно осыпались кирпичи в углу... и в его голове пронеслась отчаянная, безумная мысль.

Крадучись, он подобрался поближе к двери. На расстоянии вытянутой руки Малыш Леми с ревом отмахивался саблей от наступающей с невиданной скоростью Девы. Не обращая на них внимания, Эмре разбежался и ударил плечом в стену. В плече что-то хрустнуло, полетели на пол куски глины, но стена устояла.

Леми, отступивший в комнату, оглянулся. Глаза у него округлились, как у ребенка, впервые увидевшего карточный фокус. Без слов поняв замысел, он кивнул. Эмре поднял один из тяжелых деревянных поддонов. Раненая рука горела, плечо ныло, будто все кости в нем размололо в кашу, но он все же вскинул поддон повыше и побежал на Деву. Леми, парировав три ее удара, ловко отступил, пропуская его.

Дева сунулась было в комнату, но Эмре врезался в нее вместе с поддоном. Она попыталась упереться, но поздно – ее вынесло в коридор, прямо на сгрудившихся позади бойцов.

Пока Эмре подбирал свой шамшир, Малыш Леми с разбегу врезался в стену, будто жеребец-акхала. В стене образовалась вмятина, посыпались кирпичи, деревянная опора раскололась надвое, и Леми, в облаке пыли и осколках кирпичей, вломился в комнатку за стеной. Балки наверху накренились, сверху посыпалось еще больше кирпичей.

Обитавшая в комнатухе семья из пяти человек в ужасе уставилась на него и затем на дыру в стене своего жилища. С четвертого этажа закричала на кундунском какая-то старуха.

Дева отбросила поддон и кинулась на Эмре, но тот уже бежал к обнажившейся деревянной опоре. Она была иссохшая, как кость, не толще его руки. Взмолившись Рие о помощи, он врезался в дерево здоровым плечом. В то же мгновение Дева вскинула шамшир...

Опора надломилась и упала, а с ней посыпался потолок.

Дева все равно пыталась достать Эмре, пробиться сквозь падающие кирпичи, но Малыш Леми подобрал тяжелый железный ковш и, размахнувшись, изо всех сил обрушил его на голову противницы. Дева было увернулась, но ковш врезался ей в макушку с хрустом, почти неслышным за грохотом валящегося потолка.

Эмре бросился к выходу, но Леми не шевельнулся – стоял и смотрел на Деву горящими глазами.

– Быстрее! – крикнул Эмре, потянув его за руку. – Леми, бежим, а то помрем тут!

Ему показалось, что Леми его не слышит, но вот он обернулся, огонь в его глазах погас. Он окинул взглядом возникший по их с Эмре милости хаос и, испуганно моргнув, побежал наружу. Из других комнатух уже валили мужчины, женщины и дети. Большинство наверняка понятия не имело, от чего бежит, мало кто решался обернуться. Они просто мчались, чувствуя, что остаться – значит умереть: жизнь на Отмелях научила.

Малыш Леми понесся было с остальными к лестнице, но Эмре снова схватил его за руку.

– Сюда, – велел он, утягивая его в ближайшую комнату. На печке, стоящей посередине, пеклись забытые лепешки. В дальней стене обнаружилось узкое окошко, пролезть в которое

можно было только боком: строили на Отмелях как боги на душу положат. Впрочем, сейчас это играло на руку: дома теснились так, что даже с третьего этажа можно было выбраться. Эмре выскользнул в окно, уперся ногой в подоконник, а спиной в противоположную стену и так медленно сполз вниз, не обращая внимания на больно царапающие камни.

Малыш Леми последовал за ним. Оказавшись на земле, они тут же протиснулись в один из сотни безымянных переулочков Отмелей и бросились бежать.

Чем дальше они уходили от дома Галлиу, тем безутешнее становился Малыш Леми.

– Он был просто мальчик, Эмре. Чего он на меня с ножом полез?

– Не знаю, Лем. Город меняется.

Леми, покрытой своей и чужой кровью, его не услышал.

– Просто мальчик, мать их...

Глава 3

Кто-то постучал в дверь кабинета Рамада Амансира в каимирском посольстве.

– Войдите, – отозвался Рамад. Тяжелая резная дверь заскрипела, он перестал писать и поднял голову, но, против ожиданий, увидел не слугу, а Амариллис.

В пустыню постепенно приходила весна, город еще дышал прохладой, иногда даже холодом, но Амариллис как будто было все равно: она одевалась как типичная проститутка с западных окраин – в юбку с разрезами по бокам, при каждом движении обнажавшую стройные ноги ниже колена, и высоко завязанную безрукавку, подчеркивавшую грудь и голый живот. Окрашены ее одежды были в ярко-оранжевый и рубиново-красный, как и множество лент, вплетенных в косы. Эта яркость идеально контрастировала с ее темными волосами, густыми локонами, ниспадавшими на плечи и делавшими ее еще соблазнительнее.

– Есть время на разговор? – спросила она.

– Что-то важное?

– Тирон.

Рамад тут же опустил перо в чернильницу.

– Ты его нашла?

Она выбрала одно из двух кресел, стоявших у выхода во внутренний дворик позади Рамада. Кресло было таким просторным, а Амариллис так расслабленно закинула на подлокотник ногу, что казалась забытой тряпичной куклой.

– Нашла.

Рамад сел в соседнее кресло, хотя на солнце было жарковато.

– Где?

– На Отмелях. В притоне одной дамочки по прозвищу Вдова. – Во взгляде Амариллис читалось то ли сожаление, то ли отчаяние. А может, и то и другое. – Его далеко унесло, он и двух недель не протянет, если останется там.

– Ты с ним разговаривала?

– Пыталась, но он просто лежал, уставившись на кальян. – Амариллис поморщилась от отвращения. – Это самая настоящая дыра, Рамад: везде голые грязные люди вповалку, и вонь словно в братской могиле.

– Он все еще там?

Амариллис пожала плечами.

– Возможно. Он, скорее всего, заплатил заранее, так что его не выкинут, пока не кончатся деньги.

Рамад сжал переносицу, вспоминая прежнего Тирона, мрачного, но крепкого духом. На него Рамад мог положиться в пустыне, вдали от дома, – любое бремя он нес молча, не ломаясь.

До ночи Бет Саваш и похода во дворец Короля Кирала. В ту ночь они с Мерьям, притворившейся Амариллис, Тироном, его кузеном Люкеном и еще одиннадцатью бойцами задумали уничтожить эликсиры Кирала, но Люкен пал – его убил демон, словно пришедший из ночных кошмаров: тело без кожи, безглазая голова, массивные рога. Загнанная в угол Мерьям съела сердце Люкена и, обретя силы, спасла всех.

Тирон был сильным человеком, но Люкена любил как родного брата. Даже у самых сильных броня постепенно трескается, и горе наконец сломало его. Он устремился к черному лотосу. Сперва пытался скрывать свою нужду в этой дряни, но она быстро перестала быть

секретом. Все в посольстве знали, но Рамад предпочитал не обращать внимания, надеясь, что это поможет Тирону пережить горе, что он по своей воле покончит с этим. Лишь увидев, как Тирон скатывается с лестницы и встает как ни в чем не бывало, словно не почувствовав боли, Рамад поговорил с ним. Тирон разозлился, как никогда прежде. Он все отрицал, и его самочувствие как будто улучшилось на время, но затем он стал пропадать в городе по ночам. Врал, что остается у девушки, белошвейки, известной прекрасной вышивкой. Даже приносил ткани – показать ее работу.

Но вот ночь превратилась в сутки, в несколько дней, и скоро стало понятно, что Тирон пропадает в каком-то притоне. Рамад потребовал прекратить, они ругались так, что стены тряслись. В конце концов Тирон хлопнул дверью. И вот уже две недели от него не было ни слуху ни духу.

Рамад посылал Амариллис и остальных на поиски, даже сам расспрашивал людей, когда было время, но до сегодняшнего дня никто ничего о нем не слышал.

Рамад взглянул на незаконченное письмо, забытое на кожаной промокашке. Он старался сохранить власть Мерьям в Каимире, противостоя тем, кто хотел видеть на троне других кандидатов. Работал над тем, чтобы ее признали в Шарахае, но пока что было рано расслабляться. Все это важно, и он должен написать еще дюжину писем до того, как утренний караван отправится в Камир.

Но Тирон был не менее важен.

– Идем за ним.

Амариллис кивнула, напряжение покинуло ее лицо. Но не успели они выйти, как в дверь постучали и на пороге, не дожидаясь ответа, появился Базилио, толстяк-аристократ, посол Камира в Шарахае.

На коже его алели пятна – видно, по лестнице бежал. В его глазах Рамаду виделось загнанное выражение.

Базилио достал платочек, промокнул лоб.

– Идемте со мной. Немедленно.

– Что бы там ни было, подождет до моего возвращения.

– Но вас вызывает королева.

– Скажите королеве, что это важно. Она поймет.

– Уверен, что она откажет в понимании.

Рамад оттеснил его плечом.

– Господин Амансир! – воскликнул Базилио. – Из Закатного дворца явился гонец! Ее величество вызывают на Таурият, и она собирается туда отправиться.

Рамад обернулся.

– Что?

Базилио одернул дублет, поправив вздыбившуюся ткань.

– По какой-то причине они позвали ее, а не меня.

В животе Рамада словно зашевелился ком червей, как всегда, когда он вспоминал о сомнительном положении Мерьям в Шарахае. Так она решила принять приглашение Кирала, Короля Королей? Боги, ну почему она не уехала после Бет Саваш, как он, Рамад, предлагал? Короли потеряли четырех своих братьев – Азада, Кулашана, Юсама и Месута, – но все еще оставались опаснее скорпионьего гнезда. Для Мерьям лучше было бы разбираться с ними из безопасного Альмадана, однако она настаивала, что, пребывая в Янтарном городе, выгадает больше. Но как бы она ни оправдывалась, Рамад был уверен, что она просто-напросто ищет судьбу.

Амариллис, в отличие от него, не скрывала тревоги. Базилио внимательно взглянул на них.

– Так вы не расскажете мне, что произошло той ночью?

Базилио редко проявлял мягкость – обычно он пытался надавить на Рамада, упрочить свою власть, стать самым доверенным слугой королевы. Будь они в Камире, Рамад, может, и сдался бы, рассказал, как они с Мерьям и Воинством Безлунной ночи объединились, проникли в Закатный дворец и уничтожили бутылочки голубых эликсиров, дарующих Королям вечную жизнь. Но здесь, в Шарахе, слишком велика была опасность, что пойдут слухи.

– Возьми Цицио и Враго, – сказал Рамад Амариллис. – Заберите Тирона, отведите в тайник возле Ям. Приду, как смогу.

Амариллис, кивнув, ушла. Базилио же надулся как павлин.

– Что ж, не хотите говорить – пожалуйста. Но я должен быть в курсе, почему Король Кирил желает говорить с королевой Мерьям.

– Этого я не знаю, Базилио, – усмехнулся Рамад. Обиженное лицо Базилио его забавляло. – Но королева вам обо всем расскажет в свое время, не сомневайтесь.

Он направился к покоям Мерьям, но Базилио схватил его за локоть. Вместо того чтобы вырваться, Рамад замедлился, а когда стало понятно, что Базилио его не отпустит, остановился и обернулся.

– Вы же знаете, какая напряженная в Альмадане обстановка, – полушепотом заговорил посланец. – Я делаю все возможное, чтобы псы не сорвались с поводка. Но если из-за вас двоих мы окажемся в опасности...

– Наше королевство стоит на пороге пустыни, Базилио. Мы всегда в опасности.

– Вам прекрасно известно, что я имею в виду.

Рамад подошел к нему вплотную.

– А вам известно, что если я начну болтать, это может навредить и вам, и мне, и нашей королеве, и всему королевству. Так что держите свои вопросы при себе и довольствуйтесь тем, что ее величество изволит вам рассказывать.

Раньше лицо Базилио было просто пятнистым, но теперь побурело полностью. К его чести, впрочем, он не отступил.

«Совсем отчаялся, – подумал Рамад. – А нам с Мерьям нужно всерьез сосредоточиться на том, что происходит дома. Так мы и сделаем, совсем скоро».

Пообещав себе это, он ушел, оставив Базилио закипать от возмущения.

* * *

Мерьям нашла на каретном дворе посольства. Рамад забрался в экипаж, сел напротив нее, и повозка, дрогнув, двинулась вперед. Под перестук копыт и шорох разлетающегося гравия он откинулся на мягкую спинку сиденья. Забившаяся в угол Мерьям одета была по-королевски: в роскошное платье медного цвета с пышным подолом, немного скрывавшим ее худобу.

– Ты снова дрожишь, – сказал Рамад.

Мерьям облизнула губы, выпрямилась, смущенная.

– Когда окажемся перед Кирилом, я справлюсь.

Рамад поднял руку, на которой носил кольцо с острой иглой, чтобы быстро пустить кровь.

– Тебе нужно?..

Она покачала головой, отказываясь, хотя от одной мысли ее затрясло еще больше.

– Нельзя рисковать. Я не знаю, насколько Кирил чувствует алые пути.

– Тогда бренди. – Он следил за тем, чтобы в ее экипаже всегда хранилось несколько бутылок.

– Мне надо всерьез напиться, лишь тогда поможет.

– А что, может, так было бы лучше.

– Лучше было бы трястись в повозке с кричащим мулом, чем с нудной галкой, пытающейся меня поучать. – Она закрыла глаза, откинулась на сиденье. – Я же сказала, что справлюсь.

Ее резкость происходила от напряжения, от того, что Мерьям понимала, как неустойчива ее позиция. Но выдерживать этот тон неделями было тяжело.

Повозка взбиралась по серпантину все выше и выше, минуя один дворец за другим. Таурият источал силу, власть, она словно пропитала каждый его камень. Эти дворцы простояли больше пяти сотен лет – созвездие силы, какой ни пустыня, ни другие государства до того не видали. Глупцы не справились бы с таким могуществом: Короли подчинили себе торговую жизнь, науки, искусство, даже кухню, позволяя расти и множиться лишь тому, что они одобряли.

Четверо из них погибли: Азад, Кулашан, Юсам и Месут. Для людей со стороны Короли выглядели не менее сильными и сплоченными, чем обычно, но Рамад знал, что происходит на самом деле. Они больше не бессмертны, их дворцы рушатся. Сколько протянут Короли Шарахая? Будут стареть, как обычные смертные? Или иссохнут, как асиримы, за считанные месяцы, потому что слишком долго обманывали богов?

Все выше и выше... Отсюда город выглядел цветистым ковром со сложнейшим узором, в переплетениях которого затерялись люди со всех концов земли. Наконец экипаж прогремел по подвесному мосту Закатного дворца, и город потерялся из виду. Проехав по кругу, они остановились у входа во дворец, и разряженные слуги тут же поспешили к ним, провели внутрь и наверх по лестницам. Это было непросто: Мерьям шла медленно, но отказывалась от помощи, мрачная и решительная. Рамад с уважением наблюдал за ней: дрожь, бывшая ее так сильно, что он едва не попросил вернуться в посольство и перенести встречу, совершенно исчезла.

«Но вечно ты скрывать свою слабость не сможешь», – подумал Рамад, уже зная, что она ответит: «Смогу, Рамад Амансир. У нас еще много работы».

Они дошли до приемного зала, украшенного мраморными, с синими прожилками, колоннами, нишами, в которых замерли статуи. Над головами изгибались покрытые лепниной своды, а в дальнем конце зала, за морем мозаичных узоров, стоял на возвышении трон. Рядом ждала сгорбленная старуха с унылым лицом. С большим трудом она сдвинулась на три шага, чтобы встать ниже трона, но выше Рамада и Мерьям.

Это была Эсмира, дочь Короля Кирала и его визирь, бывшая Стальная дева. Сперва она поднялась до Стража, потом встала во главе Стражей, затем двадцать лет пробыла матроной, а после Кирал вызвал ее служить при дворе как самое доверенное лицо.

– Король скоро изволит прибыть, – сказала она, когда Мерьям с Рамадом склонили головы.

Старуха прошаркала к дальнему концу зала и вышла. Дверь закрылась за ней, эхо разнеслось под куполами, и огромное пространство сделалось как будто еще больше.

Ждать пришлось долго, и дрожь вернулась... вернее, Мерьям перестала сдерживать ее, пользуясь тем, что на них никто не смотрит. Но трясло ее так сильно, что Рамад шагнул к ряду стульев у стены, собираясь принести один...

– Нет, – тихо сказала Мерьям. – Это испытание, и не последнее. Стой, где стоишь.

Через полчаса вернулась Эсмира. Дрожь Мерьям прекратилась, стоило в дверях показаться внушительной фигуре Короля Кирала – он был на голову выше Рамада и выглядел как один из первых сотворенных богами людей: величественный, опасный, с горящими глазами. Волосы его были коротко острижены, а лицо изрыли оспины.

Дождавшись, когда Эсмира уйдет, Кирал едва заметно кивнул Мерьям.

– Царица Мерьям шан Алдуан, рад встрече с вами. – Он глянул на Рамада как на надоедливую муху. – И с вами, господин Амансир.

– Ваше величество, – кивнула Мерьям.

Кирал сел на трон. Блеснула корона, низкий голос как будто заполнил весь зал.

– Давно же мы не вели бесед. Пришла пора это исправить, не так ли?

– Истинно так. – Мерьям улыбнулась, и вновь вежливо кивнула. – Однако прошу простить меня, ваше величество, но не припомню, чтобы мы раньше встречались.

Ее голос был громким. Сильным. Ни следа дрожи в нем.

– Я имел в виду наши государства, – ответил Кирал.

– А, разумеется. Но я удивлена: почему не присутствуют другие Короли? Мы всегда вели переговоры через Ихсана, его содействие было бы бесценно.

– После того как мы с вами придем к взаимопониманию, наступит час и для Ихсана.

На изможденном лице Мерьям заиграла хитрая улыбка.

– И вот мы здесь. В чем же Первый среди Королей хочет прийти к взаимопониманию с королевой Каимира?

– Почему бы не начать с вашего отца? Как он умер?

Если Мерьям и удивилась этому, то виду не подала.

– А вы прямолинейны.

– Я не трачу время своей жизни на мелочи. Ваше письмо я прочел и знаю: вы рассказали Ихсану, будто отец ваш захотел бороздить просторы Великой Шангази, но потом вы попали в руки к пиратам, они захватили ваши корабли и оставили вас умирать. – Кирал выпрямился на троне, словно его оскорбили. – Я хочу услышать, что было на самом деле.

Мерьям заговорила не сразу. Она как будто раздумывала, чем стоит делиться и как это подать, но Рамад чувствовал, что ей все сложнее держаться. Все сложнее обходиться без крови и вина. Однако не знай он этого, ни за что не понял бы, что стоит за этой паузой, а уж Кирал и подавно. Вот только, какова бы ни была причина, Короля промедление раздражало.

– Я все расскажу вам, Первый среди Королей, – наконец сказала Мерьям, – но взамен кое-что попрошу у вас. И, думаю, вы дадите мне это без промедления.

– Продолжайте, – скучающим тоном ответил Кирал.

– Вы видели, каков был труп моего отца.

Кирал слегка кивнул, будто каждое движение было драгоценностью, которой он не стремился делиться.

– Это сделал с ним эрек по имени Гулдратан, – продолжила Мерьям. – Мой отец был подношением, чтобы усмирить зверя, чтобы отвернуть его от охоты за человеком, поколения назад заключившим с ним договор. Вы же знаете, о ком я?

К удивлению Рамада, в низком голосе Кирала послышался голод.

– Хамзакиир, – произнес он имя, которое Мерьям так хотела услышать.

– Хамзакиир, – удовлетворенно повторила она. – Человек, которого Воинство Безлунной ночи надеялось использовать в своих целях. Человек, которого они подняли из могилы, а мы похитили.

– Значит, вы это признаете.

– Признаю перед вашим ликом.

Намек был ясен: Мерьям не хотела, чтобы эта история вышла за пределы зала.

– И для чего же вы его похитили?

– Его хотели использовать Масид Исхак'ава и его отец. Люди, которых мы с вами одинаково презираем. Такого нельзя было допустить.

– Вы могли прийти к нам.

Она склонила голову, выказывая уместную степень раскаяния, ни больше ни меньше.

– Теперь я думаю, что именно так и должна была поступить, но Хамзакиир за многое должен ответить Каимиру. И теперь число его преступлений лишь увеличилось.

Киралу этот ответ явно понравился.

– Продолжайте.

Мерьям послушалась. Она рассказала Киралу, как они вырвали Хамзакиира из рук Воинства, как вернулись в Каимир и как Хамзакиир победил ее, пробрался в ее разум. Воспоминания о путешествии в Альмадан и пустыню окрашены были скорбью, но больше всего Рамаду было потерять Дана'ила, своего самого доверенного соратника, которого он убил собственными руками в башне Черного лебедя, когда Хамзакиир решил, что этот человек ему не нужен.

Наконец Мерьям добралась до той части истории, которая была Киралу интереснее всего: как Хамзакиир бросил их в пустыне на поживу Гулдратану. Он собирался принести в жертву всех троих: короля Алдуана, Мерьям и Рамада, но чудовище насытилось сердцем Алдуана, и с ним удалось заключить сделку: свобода за кровь Чеды, если не смогут притащить ему Хамзакиира.

Рамад почувствовал, как горит лицо. «И ведь я скрепил сделку собственной кровью!» – подумал он. Тогда это казалось глупостью. Воспоминание о горячем языке Гулдратана, слизывающем кровь с его пальцев, заставляло его задуматься: остался голод телесной нуждой или это чудовище наложило на него заклятье? Он постарался отбросить эти мысли и прислушаться к словам Мерьям.

– Пустыня к вам и вашим людям неласкова. – Кирал улыбнулся так многозначительно, что Рамаду захотелось ударить его в лицо, чтобы стереть эту улыбку. Мерьям уставилась на Короля, ее глаза пылали.

– Как и скарабеи к Шарахаю.

– Зато теперь они гибнут в песках, как ягнята на бойне.

– Потому что вам помогли.

– Их дни и так были сочтены.

Мерьям нарочито медленно оглядела зал.

– Давайте поговорим начистоту, ваше величество. Шарахай многое потерял в ночь Бет Саваш, и мы оба знаем, что предательство Хамзакиира ослабило Воинство. Он многих привлек на свою сторону, очаровал своей властью и влиянием, показал, сколь малого Масид достиг за эти годы. Вы охотитесь на остатки его армии, а на самом деле просто берете то, что Хамзакиир и так не против вам отдать. Но скоро все изменится, не так ли?

– Это от многого зависит.

– Например, от положения на ваших восточных границах с Маласаном и северных с Миреей. – Голос Мерьям стал громче. Она была силой, равной Киралу, и с ней приходилось считаться. – От того, что Хамзакиир заготовил на тот случай, если вам надоест обглаживать кости мертвого Воинства.

Всю аудиенцию Кирал выглядел равнодушным, словно это было очередное рутинное дело из многих, но теперь взгляд его обратился во взгляд сокола, заметившего ползущую по песку гадюку.

– Так значит, у вас есть просьба?

– Есть, ваше величество. Окажите Каимиру честь, позвольте снять это бремя с ваших плеч. Разрешите нам с Рамадом беспрепятственно охотиться на Хамзакиира в городе, в пустыне... везде, куда приведет след.

Кирал прищурился, словно не ожидал такой просьбы.

– А взамен?

– Отдайте мне Маласан.

Король помедлил с ответом.

– Что вы сказали?

– Маласан готовится к войне, – спокойно ответила Мерьям.

– И если они ударят, Шарахай загонит их обратно, за горы.

– Но к чему останавливаться? Почему бы не последовать за ними? Вас ведь сдерживает угроза нападения других королевств, верно? – Мерьям сцепила руки в замок, понизив голос

до шепота, и Рамада пробрала дрожь. – Но когда Шарахай и Каимир объединяться... ни одна армия мира не сможет нам противостоять. Вот что я предлагаю, Первый среди Королей. Позвольте нам закинуть наживку для тех, кто стоит на пороге пустыни и ждет, когда вы оступитесь. Позвольте выманить Мирею и Маласан, растерзать их, когда те вылезут из норы. Добычи хватит нам обоим. Я лишь скромно прошу Маласан со всеми его землями, а Шарахай заберет Мирею.

Пришла очередь Кирала задуматься... как вдруг он вскочил, воззрился на Рамада и Мерьям сверху вниз, словно безумное божество. Рамад решил, что Мерьям совершила чудовищную ошибку, но тут Король заговорил:

– Начинайте охоту. – Он отвернулся и зашагал к дальней двери. – Когда скормите Хам-закира эреку, получите свой союз.

Дверь с грохотом захлопнулась за ним, эхо пролетело по залу, и не успело оно стихнуть, как Мерьям осела на пол. Рамад бросился к ней, внутренне вздрогнув, когда она ударилась лицом о мрамор.

– Мерьям, – прошептал он, встряхнув ее.

Она не ответила. Глаза ее были полузакрыты, дыхание – судорожное, словно ее лихорадило.

– Боги, Мерьям... – Рамад пронзил кольцом запястье и поднес к ее рту, боясь, что Кирал может в любой момент вернуться. После такой речи она не могла показывать слабость. Но и открыть Королю, что она идет алыми путями, нельзя было.

Кровь пролилась на губы Мерьям, капнула на пол, рисуя свой яркий узор на белых плитках. Рамад прижал руку сильнее.

– Пей, чтоб тебя.

Наконец она послушалась. Сперва слизнула капли, потом припала к ране, теплыми губами обхватив кровоточащую плоть. Она пила и пила, но Рамад не убирал руку, хоть и чувствовал: ее силы возвращаются.

Мерьям задышала ровнее, оглядела комнату, словно только сейчас осознала, где находится.

– Приберись, – велела она, поднимаясь.

Рамад вытер кровь темным рукавом, не пропустив ни одной капли, даже той, что просочилась в шов между плитками. Другим рукавом он утер кровь с подбородка и щеки облизнувшейся Мерьям. Убедившись, что улики не остались, раненый по своему желанию лорд Каимира и его королева, возбужденная от дарованной им силы, покинули Закатный дворец.

Глава 4

Высоко во дворце Шукру, в комнате, которую занял с тех пор, как сбежал от ужасов Ишмантепа, перед высоким стеллажом стоял Дауд. На полках лежали бинты, мази, притирания и прочие лекарственные средства высшего качества. Многие аптекари Шарахая убили бы за такой товар. Этого богатства хватило бы на месяцы заботы о дюжинах больных. Но предназначались они лишь для одного человека.

Взяв моток бинтов и полупустой горшочек густого бальзама, Дауд вышел на середину комнаты, где, укрытая легким одеялом ниже пояса, лежала в постели девушка. Время шло к полудню, косые солнечные лучи падали из открытых окон справа. Ласковый ветерок колыбал длинные шторы, тени скользили по сиявшему чистотой мраморному полу, по кипенно-белым покрывалам, по неподвижной фигуре, туго обмотанной бинтами.

Дауд положил свои находки рядом с ней и оглянулся на человека, сидевшего у двери. Тот, как всегда, равнодушно наблюдал за ним – вот уже семь недель этот плотного сложения солдат, лет на двадцать старше Дауда, с легкой щетиной и пронзительными голубыми глазами, сторожил его, как верный пес. Большинство охранников во дворце были из Серебряных копий и Стальных дев, но этот человек от них отличался. Возможно, маласанец – со светлой кожей и острым носом. Большую часть времени он носил кожаные доспехи, тесно охватывавшие его фигуру, а когда сопровождал Дауда снаружи – еще и плащ с капюшоном. Дауд чувствовал, что солдат непрост, но не понимал, в чем именно.

– Все еще не хочешь назвать свое имя? – спросил Дауд.

Тот сидел, скрестив ноги, но теперь выпрямился, громко скрипнул стулом и поставил ступни на пол.

– Имя у меня длинное, – фыркнул он. – Не-твое-собачье-дело.

Примерно тот же ответ, какой он давал Дауду каждый день.

– Я слышал, как один из Копий вчера назвал тебя Зандретусом.

– Какого хрена спрашиваешь тогда? – мрачно отозвался охранник.

– Зандретус...

Он закатил глаза, угрожающе сдвинул брови.

– Сиськи Наламэ! Тогда уж зови меня просто Зандр.

– Зандр. Ты сто раз видел, как я это делаю, никакой опасности тут нет. Может, пощадишь ее скромность хоть немного? – Он указал на девушку. – Пока я не закончу.

Зандр округлил глаза, словно пораженный собственной бесчувственностью, и, не вставая, отвесил изящный поклон.

– Слушаюсь и повинуюсь, господин мой! А когда закончите, не принести ли вам чаю? Или лучше помассировать ступни?

– Это для нее, а не для меня.

– Да? – Он сделал вид, что заглядывает Дауду за плечо. – А по-моему, ей плевать. Так что давай, работай.

Дауд тяжело вздохнул. За ним и Анилой следили, стоило им ступить во дворец. И он понимал, что, пока Короли не начнут ему доверять, ничего не изменится.

– Анила, – тихо позвал он. Тяжелые шторы шуршали по полу. – Пора сменить тебе повязки.

Она не пошевелилась, не оттолкнула Дауда, когда он усадил ее и, заслонив от Зандра, насколько мог, принялся разматывать бинты.

Он начал с безволосой головы. Кожа Анилы, когда-то бывшая здорового медного оттенка, потемнела – но не как у асиримов, коричневых, как древесная кора. Скорее она сделалась темно-серой. Из гладкой стала шершавой и сморщенной, как дно иссохшей на солнце реки, и такой же твердой.

В те недели после ужасных событий в Ишмантепе, где они преследовали мага крови Хамзакиира, Дауд надеялся, что ее кожа станет прежней. Каждую ночь он молился Йеринде, чтобы она вернула Аниле красоту, иногда – Рие, ведь та, как богиня луны, сама обновляется каждый месяц. В минуты отчаяния он молился даже Бакхи – чтобы забрал ее жизнь и дал новую в Далеких полях. Он убедил себя, что Анила не может говорить, ведь если бы могла, то попросила бы избавить ее от этого существования, не стала бы молчать после того, как Дауд погасил пожар магией крови, а ценой стало ее собственное тело.

Его все время охватывал такой стыд при воспоминании об этом, что он готов был сделать выбор за нее... Хуже того – он серьезно задумался, не взять ли дело в свои руки.

Он продолжал разматывать бинты, иногда натягивая их и морщась от боли, которую боялся причинить. Потом поднял ее руки – Анила сама держала их, молча, – высвободил их, снял повязки с груди, как всегда думая о том, как ей, должно быть, неловко, пусть она и молчит...

Матроны спрашивали, не хочет ли он переложить на них эту задачу, но он принял их помощь только несколько раз, чтобы научиться ухаживать за Анилой, и с тех пор занимался ею сам. Это было его бремя. Он старался помочь ей всем, чем мог, и знал, что не отступит, пока она не поправится, не вернется в родительское поместье на Золотом холме.

Сняв бинты, он принялся отшелушивать кожу щеткой из волос с хребта костолома. Глаза Анилы покраснели, дыхание стало тяжелее, слезы потекли по щекам. Но Дауд продолжил методично работать, зная, что чем быстрее справится, тем быстрее перестанет причинять ей боль. Но все же прошептал – тихо, чтобы Зандр не услышал:

– Прости.

Он знал, что слишком часто это повторяет, что если бы Анила могла говорить, то накричала бы на него, потребовала перестать, но слова вылетали сами собой. И Анила лишь молча смотрела в бугристую каменную стену.

Он прошелся по всей ее обнаженной коже, не пропустив ни лица, ни даже ушей, убеждаясь, что обработан каждый сантиметр. Закончив, он отложил кисть и принялся снимать чешуйки. Они отходили легко, словно от загара, целыми лоскутами, обнажая новую кожу – темную, сияющую, цвета индиго. Змеиную. Дауд вспомнил, что именно так и подумал, впервые увидев: «Боги дали ей змеиную кожу».

Он отбросил эти мысли и продолжил, стараясь не доставлять Аниле лишних неудобств. Она все так же плакала – два ручейка слез протянулись по черным щекам. Ей становилось холодно – как всегда в те мгновения, когда, раз в несколько недель, начинала слезать старая кожа. Анилу уже била дрожь, но Дауд не пропустил ни одного этапа и отер ее смоченной в воде тряпицей.

Когда он закончил, кожа ее влажно блестела.

Как черная мамба, одно из детищ Гожэна.

Дауд снова пожалел, что не может поговорить об этом с наставником Амалосом. Весть о гибели наставника его подкосила – убит в туннелях под городом... Он скучал по спокойствию и уму Амалоса, по его способности просто брать и решать проблемы, а не переживать из-за них. Хотел бы Дауд уметь так же! Потому что вина за боль Анилы мешала ему думать.

Взяв горшочек с бальзамом, он смазал руки, грудь и спину Анилы, повязал свежие бинты и, уложив ее, проделал то же самое с ногами и поясницей.

– Они сказали, что скоро ты поправишься, – тихо проговорил он, не переставая трудиться. – Что ты излечишься и сможешь вернуться домой или остаться со мной, если захочешь. Пока я гость Королей, это разрешается.

Вот только он понятия не имел, как долго пробудет «гостем Королей». Короли знали, что он – маг крови, знали, что Хамзакиир кое-чему его обучил. И, конечно, подозревали, что Дауд его шпион, несмотря на то, что тот пытался их переубедить.

«Пусть все решит судьба, – подумал он, закончив со щиколотками и ступнями Анилы. – Хватит ворочаться по ночам, попытаюсь угадать, убьют меня Короли или нет».

На самом деле, он мало переживал об уготованном ему будущем. Он сосредоточился на том, чтобы Анила получала все необходимое, а заботы о собственных нуждах оставил на потом. Скорее всего, поправившись, она захочет вернуться на Золотой холм, а не оставаться в Обители Королей, но Дауд не был уверен, что ее семья обрадуется. Он присутствовал, когда мать и сестра приехали навестить Анилу. Мать, увидев ее змеиную кожу, ужаснулась и отвела Дауда в сторону, благодарная, что хоть у него может узнать, что приключилось с дочерью.

– Ее проклинали? – прямо спросила она в конце концов.

Что Дауд мог на это ответить? «Да, на нее пало проклятье. Из-за меня».

– Я не знаю, – услышал он собственный голос будто со стороны. – Вам лучше поговорить со жрецом.

– Но с каким?

Она тоже боялась, что это колдовство Гожэна.

– Лучше начать со жрецов Бакхи, – ответил Дауд.

Мать Анилы приходила еще два раза, и он видел, как угасает в ее глазах огонек надежды при виде дочери, ее холодного равнодушия к Дауду, к миру – ко всему. Больше она не явилась, сестра Анилы – тоже, а ее отец так и не пришел. Наверное, не нашел в себе сил встретиться с дочерью лицом к лицу после странностей, о которых рассказала жена. В глубине души Дауду хотелось, чтобы он явился, – тогда можно было бы назвать его проклятым трусом в лицо. Но сильнее он желал, чтобы Анила смогла увидеться с отцом.

В дверь постучали. Зандр отворил, и женщина в белых одеждах прошелестела мимо него. Походя кивнув Дауду, матрона, немногословная женщина средних лет по имени Кэлира, как всегда окинула комнату взглядом домоправительницы, лично назначившей Дауда держать тут все в чистоте.

– Король Шукру уже идет, – сказала Кэлира так коротко и холодно, что Дауд не сразу понял, о чем она.

– Король Шукру? Но зачем ему...

Она подошла к кровати, осторожно проверила бинты Анилы. Увиденное ее удовлетворило, а иначе Дауд уже услышал бы недовольство Кэлиры... Впрочем, по вечно кислому лицу матроны трудно было понять, что ей нравится, а что нет.

– Не тебе спрашивать о намерениях Королей. Но, я полагаю, он желает поговорить о том, чем ты занимался с предателем Хамзакииром.

Она подошла к той же полке, с которой Дауд взял горшочек с бальзамом, и, найдя на полке нужную бутылку, вылила лиловую жидкость в чайник с длинным узким носиком. Вернувшись к постели, она принялась поливать из чайника бинты – якобы для того, чтобы отстала новая здоровая кожа, но Дауд не понимал, как это должно сработать. Что бы они ни делали – отшелушивали, мазали, пробовали самые разные притирания, – кожа Анилы оставалась черной и змеиной на ощупь.

– Когда он...

– Сейчас, – раздался хриплый старческий голос.

Обернувшись, Дауд увидел согбенного мужчину в кожаных шлепанцах с загнутыми носами и простом черном халате. Простом по королевским меркам, конечно.

Кэлира и Дауд поклонились, но Шукру только отмахнулся. Из-за его спины выглянула девочка с косичками.

– Кэлира, Зандретус, оставьте нас. И заберите Белу.

– Слушаемся и повинемся.

Зандр вышел, ведя девочку за плечо, Кэлира вышла с ними и закрыла дверь.

– Маленькая чертовка, – пробормотал Шукру и, подойдя к кровати, пристально взглянул на Анилу. – Вот она... обгоревшая девушка, о которой я столько слышал.

– Она не обгорела, – сказал Дауд. – Она...

– Знаю. – Шукру прищурил маленькие глазки. – Ее естество истончилось, словно нить, вытянутая из пасмы. А все потому, что ты попытался усмирить пламя в Ишмантепе.

Естество истончилось, как нить... Он никогда не слышал такого описания, но в нем было нечто правильное. Пусть тело Анилы пострадало, но случилось это из-за того, что Дауд навредил душе.

Анила не обращала на них внимания – так и смотрела в потолок, иногда моргая. Шукру взял ее руку, внимательно рассмотрел ногти.

– Она ест?

– Да, – ответил Дауд. Ему неловко было стоять так близко к Королю.

– Ходит под себя? – Положив руку обратно, Шукру достал из левого рукава короткий нож вроде того, каким повара снимают кожуру с яблок, и сдвинул бинты на плече Анилы.

– Нет, мы приносим ей ночной горшок.

Шукру взглянул на него, нахмурившись.

– Но не разговаривает?

Он вновь занялся плечом: рассмотрев его, провел ножом по чешуйчатой коже Анилы, сперва легонько, потом с нажимом. Анила зажмурилась, ее глаза покраснели. От каждого прикосновения лезвия она вздрагивала.

– Ваше величество, прошу, не нужно, – взмолился Дауд.

Маленькие глазки уставились на него.

– Я задал тебе вопрос.

– Нет. Она не разговаривала с... того случая.

– Случая... – Шукру хрипловато рассмеялся. – Расскажи мне, мальчик. О том случае.

Дауд выложил ему все: о путешествии в Ишмантеп, о том, как сбежал от Воинства Безлунной ночи, о пожаре в ишмантепском порту, о том, как Анила предложила свою кровь и он принял помощь. Когда он заговорил о силе крови Анилы, о том, как подчинил пламя и погасил его, но обжег Анилу, связанную с ним узами, Шукру прищурился особенно внимательно.

С возвращения в Шарахай Дауд рассказывал эту историю уже десятки раз, даже в этой самой комнате, но никогда – при Аниле. Это придавало словам особую силу, словно он стоял перед судом, а Король собирался вынести приговор, наказать его за грехи. Глядя на бессмертного Шукру, явившегося от имени остальных Королей, Дауд подумал, что это недалеко от правды.

– Я не знал, что так выйдет, – наконец сказал Дауд, виновато покосившись на Анилу. – Меня унесло огненной бурей, но сила в ее крови...

– Да, да. – Шукру отмахнулся от его слов как от блюда с приторными сладостями. – Когда она разговаривала в последний раз?

– В Ишмантепе.

«Мы смогли?..» – спросила она, стоя у дымящегося корабля. Она имела в виду, смогли ли они с Даудом спасти людей в трюме королевского клипера.

«Смогли, – прошептал он ей. – Мы всех их спасли».

«Хорошо... – прошелестела она. – Хорошо...»

Король смотрел на нее холодно, как на захромавшую чистокровную кобылу. Взвешивал решение, которое собирался привести в исполнение тут же: не зря его называли Королем Жатвы. Дауд пытался подобрать правильные слова, отвлечь его от Анилы и ее судьбы, но тут Шукру сунул руку за пазуху и извлек книжицу. Ту самую, которую Хамзакиир написал для Дауда.

– Тебе дал ее Хамзакиир?

– Истинно так.

Шукру пролистал книжицу, будто это была просто диковина.

– А ты образованный юноша.

– Я польщен, ваше величество, – выпалил Дауд.

Шукру захлопнул книгу, нахмурился, всматриваясь в него.

– Хочешь ли ты служить Королям? Выровнять чаши весов и добиться справедливости?

– Я не понимаю, ваше величество...

Глазки Шукру опасно блеснули, делая его похожим на крысу.

– Будешь ли ты служить мне? Помогать в охоте на Хамзакиира и изгнании скарабеев из пустыни?

– Но я думал... – Дауд кивнул на книгу. – Я думал, магия крови запрещена...

– Что запрещено, а что нет – решают Короли.

– Разумеется, ваше величество.

Шукру достал из правого рукава пузырек из зеленого стекла, с серебряной крышечкой, из которой торчала игла. Темная жидкость плеснула внутри, когда он щелкнул пальцами, указав на левую руку Дауда.

– Ваше величество?

– Я должен увериться, что подданный меня не предаст. – Он снова щелкнул пальцами. – Ты же понимаешь, твою природу приходится принимать в расчет.

Он желал крови. Дауду вдруг ужасно захотелось оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда... Но что поделать? Он протянул руку, Шукру схватил его за запястье и проткнул кожу у локтя. Собрав кровь, он поболтал ее в пузырьке, закрыл его пробкой и спрятал обратно в рукав.

К удивлению и нарастающему ужасу Дауда, он достал второй пузырек и проделал то же самое с Анилой. Кровь пролилась из ее раны, ярко-алая на фоне белых бинтов.

– Но у нее нет магических сил, – запротестовал Дауд, бессильный его остановить.

– Очень даже есть, – ответил тот, взбалтывая ее кровь. – Она уникальный экземпляр.

Слово «экземпляр» Дауду не понравилось, и тон, которым оно было произнесено, тоже. Второй пузырек исчез в рукаве Шукру.

– Через пять ночей ты отправишься со мной в цветущие сады, – сказал Король и вопросительно взглянул на него, как мастер из Училища, задавший ученикам особенно заковыристую задачку. Но Дауд быстро понял, в чем суть.

– Через пять ночей Бет За'ир.

Судя по лицу Шукру, тот ожидал большего.

Боги... Дауд никогда еще не приближался к цветущим садам! Легенды о них ходили самые жуткие, а от мысли об асиримах у него и вовсе дрожали колени.

– Простите мою недогадливость, ваше величество, но... зачем нам туда?

– Некоторые адишары засыхают, их конец близок. Ты выяснишь почему. – Шукру бросил книгу Дауду, тот поймал ее, недоумевая. – Здесь найдешь больше символов. Овладей ими до отправления.

Он имел в виду магию крови! Боги...

– Но я не могу, ваше величество.

– Можешь, конечно. – Шукру направился к двери. – Так повелевает твой король.

Он ушел, оставив дверь нараспашку. Когда эхо его шагов затихло вдалеке, Дауд пролистал книгу, ужасаясь тому, что потребовал от него Шукру. Эта магия изуродовала Анилу! Он отказался от нее, оставив только ритуалы, помогавшие преодолевать боль в меняющемся теле. Вскоре он обнаружил страницы, о которых говорил Шукру. Записи на них были сделаны резким почерком, так не похожим на изящную крупную каллиграфию Хамзакиира: одна печать, управляющая растениями, одна – что-то для ядов и гниения... Дауд так и не понял до конца.

Зато понял, почему Шукру смотрел на него таким голодным взглядом, слушая о магии крови. Это было не просто любопытство – зависть. К тому же он попросил Дауда присоединиться к нему. А значит, есть два важных обстоятельства: во-первых, он отчаянно пытался разгадать какую-то загадку, и, во-вторых, его способностей для этого не хватало.

Дауда замутило. Он не хотел связываться с проклятой магией, еще когда Хамзакиир ему предложил, а уж теперь и подавно. Будь у него выбор – избавился бы от нее не моргнув глазом. Но выбора не было. И глупо притворяться, что это не так.

Листая страницы, он обнаружил печать, нарисованную тремя разными чернилами. Она сочетала две предыдущие с другой – «связывать, овладевать». Но смысл королевского приказа от него все еще ускользал.

Дауд обернулся к Аниле и вздрогнул. Она больше не смотрела в потолок – лежала, неудобно вывернув шею, чтобы видеть книгу. Анила ничего не говорила, лицо ее ничего не выражало, но все же Дауду стало стыдно.

Может, Анила не заметила его стыда, а может, ей было плевать: взгляд, которым она смотрела на книгу, а потом на дверь, был голодным, словно Анила просчитывала что-то в голове. С таким же взглядом она в пустыне день за днем расспрашивала его о кровавой магии.

– Анила?

Она не ответила. Даже не взглянула на него.

– Анила, пожалуйста, поговори со мной.

Последний взгляд на книгу – и вот она, поморщившись на мгновение, уже смотрит в потолок. Голод исчез, она стала той же Анилой, к которой он привык за эти недели.

Дауд хотел попросить снова, но тень, трепещущая за шторами, привлекла его внимание. Он подошел к окну. Снаружи на декоративной смокве сидел огненный выюрок – птичка с ярким желтым оперением на грудке, переходившем в насыщенные оранжевые перья на головке. Он даже не взглянул бы на эту птицу, если бы она не вела себя как-то странно. Огненные выюрки – тревожные создания, обычно они прыгают с ветки на ветку, взмахивают крыльями, часто моргают, вертя головкой и пытаясь увидеть все вокруг.

Но этот сидел неподвижно и смотрел, как Дауд подходит к дверям во дворик, как идет по каменной дорожке к дереву.

– Что такое? – спросил он.

Птица не шевелилась, словно одна из дрессированных пташек, которые возят с собой бродячие артисты. Она сидела на нижней ветке – только руку протяни. Но стоило Дауду шагнуть к дереву и действительно протянуть руку, как она вспорхнула и улетела за стены двора.

Глава 5

Чеда смотрела Королю Онуру в глаза, изо всех сил стараясь побороть страх, но без своего черного шамшира чувствовала себя беспомощной. Онур щелкнул пальцами, и Берил из племени Салмук бросила ему Дочь Реки. Он поймал шамшир, достал клинок из лакированных ножен. В его массивных руках сабля выглядела крошечной, он с таким любопытством вглядывался в изображение возле гарды – цаплю среди тростника, – словно оно рассказало ему все о Чедо и о том, зачем она сюда явилась.

– Ну и ну. – Он перевел взгляд на Чеду, его каменное лицо расплылось в мрачной, порочной ухмылке. – Дева, отбившаяся от стаи.

Берил и остальные переглянулись. Одна из воительниц положила ладонь на рукоять шамшира.

Онур махнул рукой.

– Она безвредна. – Он своей обычной походкой захромал к ближайшему шатру. – Идем, Чедамин.

«Беги! Беги! Надо бежать», – взмолился Керим где-то в пустыне.

Он так сильно боялся за Чеду, что она едва не поддалась его ужасу. Ей очень хотелось убежать, но присутствие Онура означало, что соотношение сил в пустыне изменилось, и только последняя дура упустила бы такой шанс. Поэтому она пошла за Онуром в шатер, пристально наблюдая за Королем на случай, если тот решит напасть, и за четырьмя женщинами, стоящими у деревянного трона в глубине шатра. Все четыре были вооружены шамширами, одеты как Стальные девы: в таких же платьях с кожаными вставками, наручах, сапогах и прочем, вот только ткань была не черная, а цвета пустыни, лица закрыты до самых глаз и тюрбаны алые – знак войны.

Онур повалился на трон, словно ему было тяжело стоять.

– Далеко же ты забралась... – протянул он глубоким баритоном.

– Как и вы. – Она едва не добавила «ваше величество» и порадовалась, что удержалась.

– И как же ты, ручная псинка этой стервы Сумейи, оказалась тут, на пустошах?

Сумейя была Стальной девой, командиром Чеды и Первым стражем. Чеда надеялась, что новости о битве не добрались до этих далеких мест, но знала: истории, способные перевернуть пустыню вверх дном, разлетаются со скоростью кораблей. Онур наверняка уже был в курсе кое-чего о том, почему она покинула Шарахай, поэтому выбор был невелик: сказать правду, завоевав немного доверия, или поставить на то, что ему не станет что-то известно, пока Чеда не сбежит от его племени.

Выбор зависел от причины, почему Онур сам решил покинуть Шарахай.

Она знала нравы Обитатели Королей и кое-какие выводы сделать могла. Онур был неряшлив, резок, никого не слушал, зато сам сыпал непрошеными советами направо и налево. Остальные Короли его едва терпели... Может, что-то изменилось? Короли изгнали его или он ушел по своей воле? В первое поверить было трудно: воинственный упрямец Онур защищал бы свой трон ценой жизни.

Но что, если он просто устал от жизни в Шарахае, устал править вместе с одиннадцатью другими? Человек с таким характером вполне мог захотеть вернуться в пустыню и править любым племенем.

– Ну же, дитя, – бросил Онур. – Рассказывай свою историю.

Его напряженное лицо и тон помогли ей принять решение. Раскрывать карты перед Онуром, редко поощрявшим чужое доверие, было бы крайне глупо.

– Король Юсам послал меня на задание, больше я ничего не могу сказать.

Онур разразился искренним смехом, все равно казавшимся лишь прелюдией к насилию.

– Не можешь... Ты в моем племени. На моей земле. И расскажешь все, что я велю. Зачем ты здесь, в пустыне?

– Я была в землях племени Масал.

– Те земли им больше не принадлежат.

– Они уступили их вам?

– Я сам их забрал, так же, как заберу весь восток Шангази. – Он нахмурил брови, его глаза потемнели. – Хватит. Если мне придется спрашивать еще раз, я велю этим женщинам четвертовать тебя, чтобы боги и люди полюбовались на кусок из мяса и костей, который от тебя останется.

– Юсам послал меня в пустыню после битвы. Он не сказал зачем: наверное, видел нашу встречу в водах своего колодца. Меня волнует лишь одно: что это означало в его видениях?

– Волнует лишь одно, значит...

– Да. – Чеда изо всех сил старалась говорить уверенно, но нотки раздражения в голосе Онура ее тревожили.

– А вот меня волнуют вопросы более насущные. Например: как ты смогла сбежать в Ночь бесконечных клинков и Месут с Кагилем тебя не догнали? Как вышло, что ты выжила, а Месут погиб, да и Кагиль едва не отправился в гроб, что ждет его под дворцом? Правдивы ли слухи о том, что ты виновата в смерти Короля-Странника?

Онур встал, шагнул к ней, и его женщины немедленно окружили Чеду. Угадав его намерения, она встала в боевую стойку, вслушиваясь в биение сердец: у женщин оно слышалось четко, а вот у Онура ускользало, хотя его биение должно было оказаться самым сильным.

– Но любопытнее всего мне, почему боги вложили тебя в мою ладонь, как сверкающий алмаз, хотя я всю жизнь плевал на них и их дар Королям Шарахая. – Он попытался ударить ее мясистым кулаком, но от такой атаки легко было уйти. – Это знак. Такой же яркий, как луны в небесах!

Он ударил снова, но в этот раз Чеда вовремя шагнула вперед и впечатала кулак глубоко в его живот. От руки, пытавшейся схватить ее, она увернулась, но одна из женщин пнула Чеду в спину. Онур воспользовался этим и, с быстротой, удивительной для такого огромного тела, схватил Чеду за левое запястье. Правой рукой она ударила его в шею изо всех сил, но Онур лишь кашлянул.

Основанием ладони Чеда попыталась врезать ему в нос, но Онур перехватил вторую ее руку. Чеда успела лишь отвернуться, прежде чем твердый лоб врезался в ее скулу. Перед глазами вспыхнули искры. Новый удар пришел слева, еще один справа, и она, ничего не видя, рухнула на ковры.

Онур усмехнулся, глядя, как она неуверенно пытается встать. Кровь из рассеченного лба заливала его левый глаз и потную щеку. Он схватил Чеду за грудки и поднял, чтобы оказаться с ней лицом к лицу.

– Знаешь, что тебя подвело?

Не успела она ответить, как новый удар кулака обрушил ее на ковер. Мир завертелся.

– Юсам, единственный человек в этом вонючем городе, которого я хоть немного уважал, погиб в той битве.

И наступила тьма.

* * *

Очнулась Чеда от странного звука, словно кто-то скребся неподалеку. Голова гудела, будто кузнец ее использовал вместо наковальни.

Нет, не кузнец. Онур.

Воспоминания о бое с Королем Пиров всплыли в памяти. Как же быстро он двигался! Откуда у этого быка такая скорость? И за это тоже боги однажды ответят...

Тело странно онемело, будто ее швырнули в ванну со льдом. Руки привязали к железному колу, вбитому в камень, на котором она лежала. Чеда попыталась схватиться за крепление, надеясь его расшатать, но даже малейшие усилия отзывались в голове такой болью, что она перестала.

Скребущие звуки продолжились. Чеда, чувствуя раздражение и любопытство одновременно, поняла, что различает мягкие, немного скрипучие, будто перо скользит по папирусу, звуки и другие – более жесткие, металлические. Но от обоих зудело нёбо, а открыв глаза, она тут же зажмурилась от болезненно-яркого света и в следующий раз попыталась открыть их, когда резь отступила.

Чеда была в небольшом шатре, устланном яркими узорчатыми коврами.

Внутри с ней оказались две женщины: одна сидела в углу, скрестив ноги, и что-то писала быстрыми выверенными движениями, то и дело опуская перо в чернильницу. Наградив Чеду неприязненным взглядом, она вернулась к своему занятию.

Вторая сидела на табурете, положив на колени шамшир, и что-то царапала шилом на черном клинке. Черный клинок... «Боги, – поняла Чеда, – да это же Дочь Реки!» Скажи ей кто несколько лет назад, что она будет переживать о сабле, Чеда бы только посмеялась, но они с этим шамширом через столько прошли – как позволить пустынной девчонке что-то царапать на его вороненой стали?

– Убери руки... – Чеда поморщилась. Даже говорить было мучением. Она подождала, пока боль уляжется, и, ощутив, как странное онемение и дальше разливается по телу, попробовала снова. – Положи саблю, а то я прямо на тебе что-нибудь вырежу.

Женщина подняла голову. Она была на несколько лет старше Чеды, синие татуировки змеились по ее лбу, вокруг глаз, по щекам и подбородку, делая лицо похожим на маску демона.

– Откроешь рот еще раз – и пожалеешь, что господин не отправил тебя в Далекие поля.

– Положи шамшир, я сказала.

Женщины обменялись взглядами. Та, что писала, старшая из двоих, кивнула. Вторая встала, держа Дочь Реки, и плашмя ударила Чеду шамширом по бедру.

– Молчать.

Чеда вслушалась в собственное сердцебиение. Даже после побоев она слышала его ясно, как никогда раньше, и ее это успокоило. Даровало уверенность. Онемение, которое Чеда чувствовала раньше, превратилось в покалывание под кожей.

– Ты недостойна касаться этого клинка.

На этот раз женщина ударила Чеду в лицо, несильно, но быстро.

Чеда была наготове. Она почувствовала намерение еще раньше, чем шевельнулась рука, и перекатилась. Дочь Реки, пролетев мимо ее лица, ударила по ковру. Рванув обратно, Чеда ударила вверх, попав молодой прямо пяткой в челюсть. Но это был не конец. Она обхватила ногами руку с саблей, потянула вниз, одновременно разворачивая ноги и бедра. Шамшир вылетел из хватки, женщина, потеряв равновесие, врезалась в стену шатра.

Старшая такого не ожидала. Она вскочила, отбросив книжку и перо.

Чеда почувствовала, как страх и боль бегут по жилам. Правая рука была горячее, словно раздутые ветром угли, как в тот раз, когда она в Шарахае накинута на Индрис и избила ее до

крови, потому что асир Хавва навязала ей свою волю. Но Хавва умерла... а вот Керим остался жив. Сила принадлежала ему, он делился всем, чем мог. Что-то странное было в его чувствах: скорбь, сожаление? Она не могла понять, а времени выяснить не осталось.

Она резко натянула веревку, обхватившую запястья. Та удержалась, но жар сделался сильнее. Чеда попыталась снова, и веревка оборвалась именно в тот момент, когда женщина бросилась в атаку с изогнутым кинжалом в правой руке. Не успела она сделать и пары шагов, как Чеда сжала ее сердце. Женщина закашлялась, широко распахнула глаза, открывшись так, что Чеда могла ее десять раз убить. Неуклюжий замах кинжалом легко было заблокировать, а от удара кулака в лицо глаза нападавшей остекленели еще раньше, чем она упала на ковры.

Молодая успела вскочить на ноги, но после пинка Чеды ее все еще шатало, она хваталась за ткань, как младенец. Чеда в мгновение ока бросилась на нее и ударила в горло, чтобы не закричала, а потом, проскользнув за спину, стиснула ее шею рукой.

Женщина отчаянно вцепилась в нее, пытаясь освободиться, но явно понимала, что ничего не выйдет, поэтому из последних сил ударила ногой по низкому столику с медными плоскими. Они зазвенели на весь шатер, предупреждая лагерь, что что-то не так, и действительно – стоило женщине обмякнуть, как Чеда услышала крики и увидела из-за полога ноги Онура, огромные, как древесные стволы. Он что-то тащил за собой.

Чеда, подхватив Дочь Реки, вспорола противоположную стенку шатра, легко разрубив плотную ткань, и бросилась на окраину лагеря, высматривая хоть что-нибудь для побега – лошадь, ялик... Но не успела пробежать и десяти шагов, как позади раздался зычный голос:

– Чедамин Айянеш'ала!

Онур чувствовал, что она пытается сбежать, – иначе как оказался у ее палатки так быстро? Но она еще могла ускользнуть в пустыню: за изящной каравеллой стояли на привязи лошади. Украсть одну, найти Керима, вернуться в пустыню...

– Беги сколько хочешь, – прогремел Онур, – но тогда тот, с кем ты связана, умрет.

Чеда замедлилась... и остановилась.

Керим. Это из-за него так немело тело: Онур пытался скрыть его присутствие, но Керим все равно как-то смог передать ей силу, чтобы она смогла сбежать. Хоть и понимал, что ему самому от власти Короля не избавиться.

Она даже не задумывалась, как сильно Короли довлеют над асиримами, – дурацкая, непростительная ошибка с ее стороны. Нужно было отослать Керима подальше, как только увидела Онура.

Чеда обернулась. Онур брел по песку, таща Керима за лохмотья, словно тот весил не больше выпотрошенного ребенка. Асиримы всегда казались кем-то вроде богов, потусторонних существ, Чеда не думала, что и они могут поддаваться старым страхам, как смертные... Но Керим просто плелся за Онуром, как марионетка, с болтающейся головой, полуприкрыв глаза.

Онур одной рукой поднял его и швырнул на песок – в другой он держал огромное копье с древними знаками на стали.

– Какая ты нежная! – усмехнулся он, занеся копье над Керимом. – А я-то подумал, что ты связалась с этой жалкой душонкой случайно и только рада будешь от него избавиться!

Острие копья медленно вошло в грудь Керима, потекла черная кровь. Керим застонал и попытался отползти, двигаясь с трудом.

– Оставь его!

Онур поднял брови.

– Тогда брось саблю.

В глубине ее души нарастал страх, что Онур убьет Керима несмотря ни на что... но разве был другой выбор? Она не могла допустить, чтобы Король убил того, кто так старался ее защищать!

Дочь Реки полетела в песок.

Ухмылка приподняла обвисшие щеки Онура.

– А я-то надеялся, что мы скрестим клинки. Давненько Дева не насыщала мою жажду крови! – Он пожал плечами и сделал своим людям знак взять ее. – Что ж, значит в другой раз. Дождавшись, пока ей снова свяжут руки, он ушел.

Глава 6

Через день после того, как Чеда сдалась, лагерь снялся с места. Ей пришлось помогать собирать шатры и грузить их на корабли. После этого ее приковали в трюме самого большого галеона. Никто не сказал ей, куда они направляются, но она сама догадалась по некоторым признакам: унылые лица, беспокойные взгляды, воины, тренирующиеся с мечами и копьями. Онур орал им команды, и шеренги солдат слаженно атаковали. За ними лучники тренировались попадать по чучелам, набитым соломой. Стреляли даже из баллист: крюками на веревках, длинными стрелами, глиняными горшками, которые в настоящем бою сперва поджигали бы.

Племя Салмук готовилось к битве. Но с кем? С Королями?

Сомнительно. Может, племя со своим флотом и смогло бы захватить королевский корабль, но только если б королевские клиперы и яхты, ходившие куда быстрее самых быстрых кочевых яликов, попали на встречный ветер.

Возможно, они решили пиратствовать – этим время от времени занимались многие племена. К примеру, узнали, что к ним движется караван, и решили его ограбить. Но это не похоже было на Онура. Значит, оставался третий вариант – что Онур решил напасть на другое племя. В это Чеде верилось. Он очень быстро установил свою власть в пустыне, и одного племени ему мало: Онур собирается подчинить остальные золотом, уговорами, силой или сразу всеми способами.

Но которое племя? Корабли шли на запад – значит, на территорию Красных ветров. Земли племени Масал.

Всю ночь и весь день Чеда пыталась достучаться до Керима. Он был словно пламя костра на горизонте: она чувствовала его, но не могла дотянуться. Воля Онура подавляла его – боги всемогущие, как же он смог сопротивляться гласу Месута и связать себя с Чедой? Она отказывалась верить, что Онур сильнее. Месут не только обладал железной волей – он был уверен в себе и в том, что боги на его стороне. Король Пиров мог с ним сравниться, но уж точно не превзойти.

С другой стороны, Месут веками повелевал асиримами. Что, если Керим нашел его слабые места и использовал их, чтобы вырваться из-под его власти? Но даже если так, он был сейчас далек от Чеды, как берега Южного моря.

Дни шли за днями, рутина была одна и та же: выпить принесенную воду, съесть лепешку, оправиться в ведро и слушать, как корабль скользит, качаясь, по переменчивым дюнам.

Через три дня путешествия к ней пришла Берил, женщина, нашедшая ее в пустыне. Она сняла Чеду с цепи и в кандалах повела в капитанскую каюту, к Онуру. Он жестом приказал ей уйти, и Чеда оказалась с ним наедине... Вернее, она сперва так подумала, потому что слишком сосредоточилась на Короле и не заметила свисавшую с правой переборки фигуру. Но стоило двери захлопнуться, как Чеда увидела его и охнула, отступив. Руки и ноги Керима прибиты были к дереву, он выглядел как марионетка, висящая в шкафу и ожидающая нового представления.

– Дыхание пустыни...

Она не собиралась говорить, тем более перед Онуром, но не сдержалась. Каким же хрупким Керим выглядел! А ведь раньше в нем чувствовалась сила древней пустыни, в том, как он пригибался к песку, – угроза. И этот гордый асир стал просто игрушкой Онура!

– Освободи его! – приказала она.

Онур встал с деревянного трона – того же, на котором он сидел в шатре, – грузно обошел стол.

– Скоро освобожу. – Он встал перед Керимом, не обращая на нее внимания. – Любопытные создания. Вроде бы грудь поднимается, опускается, но дышать им не нужно. – Он пронзил Чеду взглядом маленьких свинячьих глазок. – Хотя если закопать их подальше от адишар, они будут биться в ужасе. Еще можно выпустить им всю кровь. Потом дай им полежать – и через пару недель она восстановится и можно отворить ее снова.

Чеду затошнило. Он пытал Керима и хотел, чтобы она об этом знала. Но почему она не чувствовала боли? Вот оно, еще одно доказательство его власти над асиримами.

Она вдруг заметила на жирной руке Онура знакомую вещицу. Вид Керима был так ужасен, что она даже не обратила внимания сначала – Король носил браслет Месута.

Онур, заметив ее удивление, поднял руку, любуясь украшением.

– Признаю, когда я услышал, что Месута убили и в этом виновата ты, – засомневался. Но теперь...

Он опустил руку и окинул Чеду взглядом с головы до ног. Она едва не вздрогнула. Отвратительный взгляд, масляный и жадный, будто Онур хотел владеть ею так же, как Керимом.

– Они назвали великую битву в гавани Бет Саваш, Ночь бесконечных клинков. В ту же самую ночь я ушел. Знаешь почему? – Он помедлил, намеренно прикидывая, что ей известно, но Чедда искренне пожала плечами: пусть говорит.

– Я обнаружил, что среди нас завелся предатель. Трус, стравливавший Королей, чтобы править Шарахаем в одиночку, или, по крайней мере, проредить нас. Ему помогал Король Азад... вернее, его дочка. Она оставила мне это. – Он поднял рукав тауба и показал затянувшийся шрам. – И это. – Еще один, под ключицей. – И еще несколько.

– Жаль, что нож Найян не прошел выше.

Глядя, как корчится Керим, она едва могла сдержать гнев, но все же отметила: Онур поделился важными сведениями. Чедда давно вычислила, что ее мать убила Азада и Короли какой-то магией заменили его Найян, его дочерью. Приятно было узнать, что она верно догадалась, но все же оставался важный вопрос: зачем Онур ей об этом рассказывает?

Он пожал массивными плечами.

– Найян была умелая, но от моего удара рухнула, как мешок репы. Хотя успела залить кровью Юсама весь хорошенький Ихсанов дворец. – Онур поморщился, но глаза его блестели. Чедда уже выучила, что это у самого мерзкого из Королей означает веселье. – Но что бы там судьбы ни решили в ту ночь, ты права. Найян была одним из лучших Стражей среди Дев. Не только хороший воин, но и хороший командир. Искусных воительниц мало, а одаренных еще меньше. Ты еще девчонка, но я вижу в тебе ее задатки. – Он помолчал. – Ты жаждешь убить еще больше Королей, так?

Керим съежился, а вместе с ним и внутренности Чеды.

– Просто говори, что тебе надо.

Онур вновь раздраженно поморщился.

– Такая же горячая голова, как твоя мать. Она желала падения Королей, так? И кое-что у нее получилось: она забрала Азада с собой на тот свет. – Он сложил руки на круглом животе. – И вот теперь ее дочь пришла мстить.

У Чеды кровь отлила от лица. Все Короли знали, что Айя убила Азада, но только Ихсан смог выяснить, как она связана с Чедой. Что, если другие Короли тоже поняли? Наверняка... Впрочем, это было неважно. Главное, что Онур помотал у нее под носом этими сведениями, как приманкой. Неужели... Неужели Айя притворилась, что любит его, чтобы завести Чеду?

Будь у Чеды сейчас горсть песка, она прижала бы ее к губам и пропустила сквозь пальцы в молитве. «Прошу, Наламэ, если ты хоть что-то можешь мне дать, дай это...»

– Ты знаешь, кто мой отец? – спросила она, боясь ответа, но не желая от него прятаться.

– Знаю, – ответил он. Словно поставил между ними золотой сундук, только и ждущий, чтобы его открыли.

– И кто же он?

Его хриплый смешок, казалось, заполнил всю каюту.

– Слишком дорогой дар для той, что ничего не протянула взамен.

– Тогда засунь меня обратно в трюм. Я устала от твоей вони и лучше умру, чем буду стоять и смотреть, как ты заливаешь кровью пустыню.

– Я слышал, что горячность – твоя главная слабость. Не дай ей тебя погубить. – Он взглянул в сторону кораблей племени. – Научи этих дикарей сражаться. Подготовь к походу на Шарахай. Помоги сбросить Королей с Таурия, их золотого насеста, и полюбуйся, как они падают, словно подстреленные утки.

– Я желаю и твоего падения.

Он взглянул на нее с кислой миной.

– Если хочешь отомстить за мать, брось это. Встань во главе моей армии. Смотри, как Короли выпускают дух. Трус Кагиль. Змей Ихсан. Могучий Король Клинок. Даже Кирал, Первый среди Королей.

– А если я решу, что первым станешь ты?

– Вот это будет битва так битва! Все боги пустыни соберутся взглянуть. В таком бою никому из нас не стыдно будет умереть.

Чеда удивлена была, заметив в его взгляде некоторое уважение.

– Но с чего племенам идти за тобой, Королем, которого они всегда ненавидели?

– Я дам им то, чего они жаждут: месть. Ничто так не подстегивает людей. Народ пустыни меня ненавидит, но лишь потому, что я из Королей. А вот их ненависть к Шарахаю проникла в самые кости. Им приходится подчиняться городу, и Янтарь пустыни стал для них символом всего ненавистного. Он постоянен и неподвижен. Он кишит чужеземцами. Извращает обычаи пустыни, забирает то, что ей принадлежит. Город они ненавидят куда сильнее, чем каких-то там Королей. Если я обещаю им, что Город падет, разве имеет значение, что я когда-то им правил?

– Но зачем? Зачем ты мне все это рассказываешь? Почему не сказать остальным Королям, что Ихсан и Азад предатели, а потом смотреть, как начинается междоусобица?

– Я не говорил, что вторым предателем был Ихсан.

– Нет. Но это он, верно?

Онур провел языком по желтым зубам и всмотрелся в Чеду внимательнее.

– А ты много узнала, пока была Девой.

– Ответь. Почему ты не сказал другим Королям?

– Потому что я хочу разорвать их, пока они сильны. Четыре века назад Короли раздавили кочевые племена. Посмотрим, что будет, если я снова разожгу пламя войны. – В дверь постучали, но Онур не обратил внимания. – Скажи, что ты будешь сражаться вместе со мной. Обрушишь стены Шараха бок о бок со мной. Отомстишь за мать.

Боги всемогущие, на мгновение она всерьез об этом задумалась. Онур собирает армию. Чеда может освободить Керима и использовать Онура, который желает загрести жар ее руками. Она все еще способна сама осуществить задуманное... но теперь за ней будет сила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.